

Я — мальчик.

В большой комнате, «столовой», она же гостиная или спальня родителей, — зажжены все лампочки в люстре. Посредине пусто, потому что уже ушли гости, стол сложили и убрали, подмели, посуду перетаскали на кухню, и бабушка с мамой сейчас перемывают её и вытирают чистыми полотенцами. Отец курит на лестничной площадке.

Высокое окно раскрыто. За ним, на уровне нашего величавого пятого этажа чернеет ночное небо.

Хожу по комнате в праздничном волшебном настроении, накручиваю задумчивые круги в предвкушении, куда бы выплеснуть мою радостную энергию. Делаю глубокий вдох, наполняя воздухом грудную клетку, закрываю рот, задерживая дыхание, и начинаю давить диафрагмой, надувать себя изнутри как шар. Ноги медленно отрываются от пола, и я поднимаюсь вверх, сначала чуть-чуть, какие-то сантиметры, потом до люстры, где поворачиваю тело горизонтально, и вот уже под самым потолком кружу и с удивлением сверху разглядываю незнакомую мне жизнь предметов на шкафу, книжных полках. Но меня манит раскрытое окно. Мимо распахнутых тюлевых занавесок проплываю в высокий узкий проём и, как бы оттолкнувшись от светящегося изнутри дома, плавно запускаю себя в субстанцию черного воздуха.

Внизу на улице Минина с привычным шумом отходит от остановки запоздалый автобус. Фонари на проводах, свет фар ощупывает стены домов. Я по звуку мотора определяю, что это тот самый, граничный, похожий мордой на бульдога, «сорокпятый». Но мне уже не это интересно. Мимо верхушек старых высоких берёз и тополей, стараясь не зацепить провода, которыми дома на улице повязаны друг с другом, потом над институтом травматологии и крышами последнего квартала, отделяющего нас от Верхне-Волжской набережной, я лечу по направлению к Откосу, к реке.

Где-то справа различимы контуры громады трамплина, не такого уж и большого, если сейчас на него смотреть. Бегут вниз по крутому склону, уменьшаясь, деревья, туда же несётся косая освещённая линия Казанского съезда. Я всё выше. Там, подо мной, должны быть прибрежные пески, бетонка, пляж, уже и сама река... На той стороне посверкивают огни Бора, стеклозавода. Заволжские дали темны, в безлунном небе — звёзды. На мерцающей речной воде чернеют пятна барж и большой контур вербного острова, а сзади остаётся фасадная архитектурная панорама набережной, высвеченная в ночи посадочными огнями окон её домов. Однако, всё это я уже видел, скажем, лет так пятьдесят спустя,

когда первый раз очутился в скользящей над Волгой кабинке только что построенной канатной дороги. А вот чёрная бездна над головой! Туда, туда, к звёздочкам, я устремляюсь вслед летящему мальчику.

Вечер. Мама печёт вкусное печенье на кухне, бабушка как всегда в маленькой комнате что-то строчит на «Зингере» за своим столом; в коридоре горит свет. Я же лежу на спинке дивана в тёмной столовой напротив зелёного, с красным свечением вокруг зрачка, глаза радиолы «Мелодия». Шипение и трески заезженной пластинки, начинаются первые фанфарные звуки марша «Щелкунчика»: «Тра́ — та-та-та — та́-та. Та́-та — та́...». Дальше волшебный галоп тащит тебя за обе руки в радостную, но и жутковатую сказку оживших игрушек, крутит, несёт вдоль сверкающих гирлянд бус и огней новогодней ёлки вслед за той девочкой, чей надёжный друг и защитник потом превратится в её принца. Руки-ноги мои дёргаются в такт музыке, возбуждённое «тра́ — та-та — та́-та» тенорком рвётся из моих уст помочь оркестру.

Пластинок не так уж много, они все помещаются под крышкой радиолы, но это целое достояние. Солидные, тяжёлые, жёсткие и толстые, — они в конвертах с картинками, чаще всего с какими-то цветочками-берёзками на обложке. Но есть ещё гибкие: голубые, белые, реже красные прозрачные, которые внутри глянцевого страниц музыкальных журналов «Кругозор». Там любимые песни, которые знаешь наизусть. Гуляев за лётчиков обнимает небо крепкими руками; голубая тайга, по которой пробирается мой отец-геолог; какой-то весёлый манжерок (и сегодня не знаю, что такое этот самый Манжерок, но Википедия нас спасёт), — да их много-много. Пока мама не пришла с работы, хорошо завести себе детский радиоспектакль «Айболит-66» или спеть с Георгом Отсом арию Мистера Икса, выбросив, как Мишка у Драгунского руку вперёд: «Всегда быть в маске судьба-а мо-о-я-а!!!». Время проходит незаметно, и вот уже звонок в дверь, — бегу открывать.

Самая же заезженная пластинка у меня — Лидии Клемент. «Карелия», «Лесенка» (на ней иголка прыгает: «Ле-е-сен-ка... Вжик! ...Ле-е-сен-ка... Вжик!» — надо идти проталкивать), «На кургане». А ещё «Звёзды в кондукторской сумке». Я билеты до звезд вам продам наяву. Ждет вагон остановка на Млечном пути. Я лечу-у-у...

В тот раз родители ушли на вечернее мероприятие, меня оставили дома одного, заперев на ключ. Когда сроки их ожидаемого прихода вышли, потом ещё раз, потом еще два раза, когда потом я в который уже последний раз опять заметил минутную стрелку с обещанием себе «если, то уж»... В общем, пришлось действовать, иначе возгнетое внутри беспокойство готово было вылиться в истерику. Надо было вырваться на улицу и бежать их искать в ночи. Входная дверь отпала, ключа не было. Оставалось открыть зимнее окно. С тем, как прыгать, проблем не было: если оттолкнуться посильней, то перелетишь чищенный от снега асфальт и попадешь в сугробы, которые нагрёб дворник. Что, я с сарая в сугроб не прыгал? А высота? На то есть парашют. Перерыв и вывалив на пол содержимое платяного шкафа, наконец выбрал какой-то желтый с рисунком летний мамин сарафан. Потом полез открывать окно на кухне. К моему расстройству, папа заколотил его на зиму длинным гвоздём. Ну так мы его сейчас вытащим! Развалены все папины инструменты, вот клещи, отвёртка...

Помощь и утешение пришли вовремя. Меня зарёванного сняли с подоконника, гвоздь так до конца и не поддался. Мама спрашивала, почему вся одежда вывалена из шкафа, почему на кухне сарафан...

Страх высоты у меня был как у нормального жителя пятого этажа. Но зачем, зачем бессчётное число раз я во снах с маниакальным упорством

лез через форточку одного нашего окна в маленькой комнате, чтобы, пройдя с внешней стороны по узкому скруглённому карнизу где-то на уровне нашего пола, попытаться открыть возвратную форточку второго окна, часто безуспешно? Зачем прыгал вниз на асфальт двора, совершенно не считаясь с реальной перспективой просто разбиться насмерть, но мучительно рассуждая в реальности категории сна, отобью я ноги или нет? Прыжок, и это вовсе не было удивительным, получался благополучным, но только каким-то слишком для действительности затянутым, тягучим, летучим, так что пяткам было не больно.

Когда бабушка шьёт на руках или строчит на машинке, она часто поёт или читает по памяти стихи. Она знает много песен и стихов, они длинные. В маленькой светёлке огонёк горит. Некрасов, Никитин, Кольцов. Помнил с тех пор, когда еще до революции училась в четырёх классах сельской школы. Знает революционные песни и песни Гражданской войны или про неё. И я их тоже уже запомнил и пою. Например: «Эх, тачанка, раз-тачанка!», «Смело, товарищи, в ногу», — да их много. У нас целая серия открыток с текстами на обратной стороне. «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца...» — там орлёнок босой, в шароварах и белой рубашке, сползшей со вздёрнутого плеча, связан весь колючей проволокой, а вокруг пылают языки красного пламени. «У власти орлиной орлят миллионы». Я их много позже узнал в кино: «Молодая гвардия», Олег Кошевой, «Неуловимые мстители» — Данька. Жалко было мне молодого, поскакавшего на разведку в поля бойца, который «вдруг поник головой». Это место я исполнял с навернувшимися на глаза слезами и дрожал голосом. Ещё я замирал от страха, когда в стихах бабушка доходила до слов: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца». Но было страшно интересно, когда она вспоминала четверостишия про игру в бабки, а потом рассказывала мне, как их делают из свиных косточек, как их берут и бросают — и бабушка действительно своими старческими руками как бы поудобнее брала биток, примеривалась и чуть ли не глаз щурила: «Павел встал и глаз прищурил, словно как стрелок, сделал шаг, другой, нацелил — и метнул биток. Десять маленьких сердчишек замерли зараз...» Моё сердчишко замирало одиннадцатым.

Стол, за которым она работает, просто замечательный. У него три ящика с бабушкиными принадлежностями. Главная из них для меня — большая жестяная круглая коробка из-под халвы с несчетным количеством пуговиц. Мне её разрешают брать, я могу в ней ковыряться бесконечно, ибо бесконечно разнообразие квартирующих в ней пуговиц. Так же интересно поворошить иголкой в небольшом углублении машинки «Зингер», куда попадают обломки пуговиц, швейных игл, кусочки мыла, мела, — да там могут быть любые сокровища, как в пещере Али-Бабы! Волшебно, когда бабушка заправляет машинку, достаёт челнок, шпульку, вставляет её в наматывающее устройство, прижимает маленькое колёсико с твёрдой резиновой шиной по ободу к колесу-маховику... Я прошу крутить ручку. Ходит туда-сюда метрономом или запрещающим жестом пальца металлическая стрелка, увлекая за собой нитку, крутится шпулька. Вот цветная нить уже намотана, шпулька опять скрывается в недрах замысловатого челнока, остаётся продеть осторожными оборотами хвост нити в дырку на конце иглы. Машинка опять строчит. Строчит пулемёт тачанки.

Но вернёмся к нашему столу. На столешнице прямоугольник почти чёрного поношенного дермантина обрамлен дощечками с потёртым лаком. Решётка из трех палочек городит левую стенку. Бабушка помогает мне закрыть её одеялом. Тогда пространство между этой занавешенной стенкой, тумбой стола, бабушкиными ногами и крашеными рёбрами отопительной батареи превращается в мою пещеру, шалаш, тайную комнату. Я присоединяю заветную лампочку к пластинкам клемм квадратной

батарейки (ножку лампочки надо поставить на короткую пластинку, а чуть загнутой вверх длинной касаться металлического колпака с резьбой и маленькой точкой-шишечкой у самого стекла, и удерживать как факир ловкостью рук таинственный мерцающий свет). Иногда нить лампочки раскаляется слабо и вяло, освещая недалеко вокруг себя; в углах пещеры темнота. Виновата не лампочка, это садится батарейка. В этом можно убедиться, коснувшись языком одновременно обеих её скруглённых пластинок. Щипать будет не так отчаянно, как у свежей, но вполне терпимо: это уже даже и не щипание, а как будто ты пробуешь на вкус что-то явно несъедобное, но запретно-привлекательное.

Часто я лежу на животе на выкрашенных масляной коричневой краской досках пола в маленькой комнате, ковыряя булавкой с пластиковым круглым шариком на конце пыль из щелей. Произвожу раскопки. Появляются гнутые кнопки, скрепки, бисеринки, иногда копейка, а то и две, прятавшиеся в толще сбитой пыли. Когда увлекаюсь, острое булавки, пройдя культурный слой, проваливается в тёмную пустоту подпольного царства. Что там?

Пространство между перекрытиями я увидел, наверное, во время какого-то ремонта, когда устраняли не в меру усилившийся скрип половиц. А вот о наличии воды у нас под полом на пятом этаже я узнал из двух снов.

Одна или две доски пола вскрыты. Внизу чернота, там стоит совершенно тёмная вода. Я точно знаю, что на метровой глубине водятся настоящие крупные лобастые рыбы. Их можно поймать на удочку, как я ловлю нарисованных картонных щук и окуней на магнитик в своей игре в рыбалку. Дрожь от вожделения обладания такой добычей, я осторожно нацеливаю в узкое пространство свою снасть и мысленно вижу, что рыбина подходит проглотить фатальную для неё наживку.

Другая вода дневная, солнечная, прозрачная. Лежу на полу. Вдруг снизу начинает появляться и прибывать абсолютно чистая и несколько не холодная вода. Минута-другая — и ты словно в мелкой речке, можно плыть. Проплываю через коридор в столовую, очень приятно так двигаться. Ещё радостнее становится, когда рядом начинают снова красивые цветные рыбки, которые вёртко проносятся мимо, стреляют под стол, под диван, между ножками стульев, когда я пытаюсь поймать их рукой. Вода колышется от моих движений и создаёт волны во все стороны, отражает солнце и пускает блики по обоям, полам, шкафам, потолку. Это всё так здорово! Через какое-то время уровень воды начинает заметно убывать, как в ванне, когда вытаскиваешь затычку. Опять уже лежишь на досках пола, и лишь несколько лужиц ссыхаются прямо на глазах, подтверждая реальность только что состоявшегося наводнения. Да еще несколько цветных рыбок бьются и прыгают рядом, лишённые родной стихии.

Мне нравится находиться в неосвещённом помещении, но чтобы была открыта дверь в коридор или другую комнату, где горит свет. Люблю вот сидеть вечером на подоконнике и наблюдать жизнь ночного города из нашего высокого окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Можно, скажем, лежать в тёмной маленькой комнате на кушетке, передняя ножка у которой почти наполовину толщины источена когтями легендарного кота Пухляя (с чьей жизнью моя не пересеклась по причине разности эпох). Наблюдать, как напротив в столовой сидит, скрючившись, притупившись на стуле у края стола, подогнув под себя одну ногу, отец, что-то пишет мелким почерком и плотными строчками в своих бумажках или тетрадках. Как мама раскладывает по стопкам выглаженное бельё. Слышать, как бабушка гремит на кухне эмалированным ведром

на плите — это она кипятит ржаные сухари, готовит ядрёный кислый квас. Перед употреблением в ярко-жёлтый напиток надо добавить для сладости и пены сахара, долго размешивать его в холодной жидкости до полного растворения. А чтобы получить газировку с пузырьками, можно на кончике ложки положить чучточку соды.

Новогодние ёлки в моём раннем детстве были чуть ли не на четверть комнаты, высокие, под самый трёхметровый потолок, да и то верхушку приходилось обпиливать. Ствол ставили в ведро с водой или с песком, была всегда какая-то вечная крестовина, сложная система крепящихся к ней и к батарее верёвочных растяжек. Праздник начинался, когда доставали с антресоли ящик с новогодними игрушками. Это была ежегодная встреча со старыми знакомцами, радость узнавания и воспоминания. Ремонтировались и реставрировались гирлянды лампочек и бус, стеклярусов, развешивались стеклянные разноцветные причудливо вогнутые и выпуклые шары, шишки, фигурки на металлических прищепках-крокодильчиках или петельках, которые каждый год приходилось делать заново из ниток. Доктор Айболит с бутылкой рыбьего жира, тряпичная танцовщица в зимнем голубом спортивном костюме и с обручем, рыбка, автобус, избушка бабы Яги... Можно было вешать на нитках шоколадные конфеты и мандаринки, самодельные хлопушки и флажки с любовно нарисованными любимыми персонажами — Буратино с Золотым ключиком, Мурзилкой, Карандашом, Волком из «Ну, погоди». В заключение обматывали по спирали мишуру и серпантин, наверх водружалась красная пластмассовая звезда с лампочкой внутри. Теперь можно было ждать прихода Нового года, игрушек в подарок и вообще всего неожиданного и приятного.

Был год, когда вместо какой-то ожидаемой детской игрушки я обнаружил под ёлкой с запиской «Андрейке» небольшую хохломскую табуреточку. Конечно, она была нужна, чтобы обуваться, например, собираясь на улицу. Или сидеть у своего детского столика. Или чтобы залезть на подоконник. Но разве это подарок? Разве это игрушка? Я обиделся до слёз. Сидел у ночного заиндевшего окна, дышал горячей обидой на ледяной нарост на стекле, протаивал в нём вулканические кратеры. Мама, увидав, долго тихо утешала и уговаривала меня, что я «уже большой», что «они думали...» Ясно было, что и сама она расстроилась от такого непутёвого подарка. Мне её стало жалко за такую неловкость. И вот я помню себя с еще не обсохшими на щеках слезами, демонстративно приплясывающего с этой скамеечкой в руках из комнаты в комнату и бодро напевающего «Ла-ла-ла. Ла-ла-ла». Типа, замечательный подарок, я это вдруг понял!

Отец напряжённо мечется по кухне, ждёт, когда подействует выпитый «Альмагел» и утишит боль приступа язвы желудка. Освободившихся стеклянных бутылочек «Альмагела» с довольно широкими завинчивающимися крышечками, заполненных теперь гайками, шайбами, винтами и прочей необходимой любому мужику мелочью, на его полке для инструментов в шкафу уже целый взвод. Со своих архангельский экспедиций отец обычно привозил домой в рюкзаке клюкву, бруснику, разложенную по целлофановым пакетам, сушёные грибы. А себе привёз прободную в итоге язву. Которая прободала стенки его желудка однажды под Новый год километров эдак за 400 от дома, в заснеженном поле. Его долгие тряские часы везли на «шишиге», ГАЗ-66 обратно в город. Мать бросилась к себе в больницу к знакомому хирургу. Тот, уже изрядно начавший праздновать, вышел из-за новогоднего стола и твёрдым шагом пошёл в операционную отрезать отцу что-то лишнее, не поддающееся восстановлению, соединять накоротко, приштоповывать, не будучи уверенным,

что получится. Потом сообщил, что опоздай с операцией где-нибудь на полчаса, она бы уже и не понадобилась...

Отец любит петь песню на стихи Ярослава Смелякова: «Если я заболелю, к врачам обращаться не стану». «Оберните мне голову горной дорогой... Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом... Не больничным от вас ухожу коридором, а Млечным путём».

Мама — лечащая. Мама — хранительница. Болел я часто, зимой вечно простужался. Ставились горчичники на спину, перевернувшись — на грудь, сверху придавливающая тяжёлая подушка. Терпи семь, десять минут. Уже сильно жжёт, горчица забористая, свежая, часть её из газетного сэндвича попала на кожу на горле, волдырится красное пятно ожога. Я ною, что больше не могу терпеть, горчичники снимают, протирают тело прохладным мокрым полотенцем, оттирают присохшие ошметки этой злюки. Да, немного перестарались... Укутывают в ватное одеяло — потей.

Реже мне ставили банки. Отец как факир зажигал спиртовой тампон на палочке. Кожу, банка за банкой, стягивало, пока я не начинал орать «хватит, хватит». На следующий день всегда очень хотелось разглядеть в зеркале финальные коричневые круги на спине.

Попарить ноги я соглашался только за «почитай». В ведро постоянно подливали кипятка, «ойканье» несло по комнате, но ведь хотелось дослушать, что там дальше будет, — и приходилось наступать на горло собственной жалобной песне.

Над картошкой дышать было тоже тяжело. Кто ты будешь такой — царь, царевич? Сваришься ли в котле, как царь, или выйдешь уже пригожим князем Иваном, женихом царь-девицы? Опускаешь лицо в пышущую жаром большую кастрюлю, накрываешься плотной, в несколько слоёв, чёрной шерстяной тряпкой. Той, которой для тепла занавешивают окно на кухне, когда там кто-нибудь моется в ванной. Дышать тяжело, горячий воздух надо вбирать носом, выпускать ртом, потом наоборот. В особо трудные минуты рядом под тряпкой оказывается голова мамы, чтобы поддержать боевой дух приунывшего товарища.

Страшно или жутко — это когда вот так. Вселенская чёрная пустота вокруг, ничего кроме этой темноты нет. Правда, под ногами какая-то геометрическая плоскость, под прямым углом обрывающаяся прямо перед тобой вниз в бесконечность. Из глубин бездны на тебя летит шар. Он тяжёлый, как какой-то неведомый металл, громаден, как планета, идеален в своём математическом совершенстве. Это шар, которым ты будешь неминуемо раздавлен на плоскости; его инерцию не остановить, она предрешена и фатально гибельна. Но тебе до жути не надо гибели. И ты с неподвижности начинаешь толкать навстречу летящему на тебя такой же шар. Он размером почти с наш дом, инерция его огромна, скорость набирается как если бы ты собрался толкать неподвижный вагон. Но всё же он начинает двигаться навстречу шару-убийце.

Эта метафизическая смертельная бильярдная дуэль с неведомым во вселенной неоднократно возвращалась ко мне в детстве в горячечном, с температурой под сорок, ночном бреду.

Радостно — это вот такое. Конец августа, начало сентября. Лету прощай, осени — здравствуй. Мы только что вернулись с бабушкой из-под Тулы с Косой Горы, где проводили летние месяцы почти деревенской жизни у её сестры бабы Тони. После всех огородов, бочек с водой, деревянного домика с железной кроватью, когда «по-большому» надо ходить «удобрять» под яблони, — наша квартира на Минина кажется вообще

вершиной классицизма и аристократической изысканности. Это тот контраст, когда герой от своих отар в предгорьях Кавказа приезжает, чтобы «друг повстречался в Москве», и стоит на ВДНХ или перед высоткой МГУ на Ленинских горах. Или, как у меня много позже, когда я после двухлетнего сидения в глухой деревне от печки, валенок и телогрейки вдруг через сутки очутился в Большом зале Ленинградской филармонии. Оркестр во фраках, сверкают трубы органа, сверкает хрусталь люстр...

Чистота в воздухе, чистота вымытых окон и мебели, всё ровно на своих местах и готово к праздничной встрече со мной. Это мама и папа так нас ждали. Гостиная полна света, небо за окном сине-голубое, листва начинает ярко желтеть и краснеть. На столе в плоской широкой вазе зелёного стекла на тонкой длинной ножке — фрукты. Персик, абрикосы, груши, яблоки, сливы. Это всё мне за прошедший в августе день рождения. Взбираюсь с ногами на стул, тяну руку к сочному плоду. Потом достаю бумагу, карандаши и принимаюсь рисовать отчёт, как я провёл это лето...

Над столом у бабушки на стенке платяного шкафа висит рисованный портрет Льва Толстого. То есть я думаю, что этот дедушка с бородой и мохнатыми бровями — писатель Лев Толстой. Но возможно, что это и не он, а мой прадед Иван, фамилию которого я ношу и которого искусно изобразил когда-то карандашом отец. Сейчас этот портрет моего предка отец водрузил над своей кроватью в маленькой комнате, в которой ныне обитает. И сегодня, как и полвека назад, по стенам развешены картины, фотографии, рисунки, гравюры. А тогда, помню, были художественные снимки, связанные с Ленинградом. Бригантина у зимнего стилого причала, чуть в тумане, голые мачты без парусов, что твои стволы деревьев без листьев, «что твой, Седов, "прощай"». Или ночная заснеженная решётка Летнего сада, заканчивающаяся четвертью чугунного кольца пик, расходящихся по радиусу из одной точки. Некий культ любви к северной столице был и остаётся принадлежностью нашей семьи. Немалая часть жизни папы и мамы связана с городом на Неве, отец — вообще блокадник. Как в песне Лидии Клемент: «Мы ленинградцы с тобой по призванию, хоть не всегда в Ленинграде живем». И:

*Дождь по асфальту рекою струится,
Дождь на Фонтанке и дождь на Неве,
Вижу родные и добрые лица,
Г-о-о-лубоглазые в большинстве.*

У отца и у мамы глаза голубые. У меня тоже. Мой первый год жизни прошёл в этом городе, на улице Некрасова, совсем недалеко от Летнего сада. «И в Летний сад гулять водил», это наверняка и про меня, хотя память моя ничего подобного не содержит, остаются лишь домыслы.

А вот самое раннее сознательное впечатление моё, памятью задержанное, связано с Горьким. С кем-то из взрослых зимним вечером я иду смотреть, как спят в парке на улице Лядова «троллейбусики». Сыплет густой снег, который хорошо виден в чуть покачивающихся на проводах световых конусах под железными тарелками отражателей фонарей. Я очень маленький, в какой-то толстой не то шубке, не то пальто, в руках деревянная лопатка. Мир вокруг меня огромен, я задрал голову в круге этого волшебного укачивающего света, на лицо падают крупные и мягкие белые хлопья. Впереди встреча с удивительными жёлто-синими «троллейбусиками», и сейчас я увижу, как они спят.

Если бы Лядов оказался не революционером, а композитором, возможно, соседнюю улицу и не переименовали бы обратно в Большую Печёрскую. Впрочем, даже писатель Горький не сдюжил против победившей демократии. Которая очень трогательно отнеслась к монархической

государственности в ущерб советской. Пусть будут Минин, Невский и даже Колчак. Но только не Ульянов-Ленин, Сталин, Горький.

Отец научил меня играть в шахматы и в другие игры на шахматной доске. Не только в шашки, поддавки, уголки, но и «в Чапаева», азартного и несколько далёкого от интеллектуальности. В раннем детском возрасте папа был моим самым частым партнёром по настольным играм. Позже у меня появились оппоненты из жильцов нашего дома, друг Рафа с третьего этажа, или шахматист Вячеслав Вячеславович, сосед снизу, коммунально проживавший в комнате, которая под нашей маленькой. И только классе в восьмом шахматы стали полностью уходить из моей жизни, вытесненные многолетней, как после оказалось, страстью к игре го.

Но как нормальный ребёнок чаще я использовал шахматы не по назначению. Их фигурки, равно как и черные с белыми шашки, чёрные доминошки и даже разноцветные кубики из дощатой коробки с задвигающейся крышкой, или пуговицы из бабушкиной жестянки, — все они стройными рядами шли в добробаты двух, а то и трёх воюющих армий, командиров которых мне приходилось совмещать в своём лице в моих многочасовых одиноких играх на полу. Частые болезни предоставляли освобождение от детского садика, а потом и от школы. Часы в ожидании, пока мама вернётся с работы в аптеке, заполнялись нескончаемыми баталиями солдатиков и упомянутых фигурок. Это были различные фантазийные ролевые игры, часто коррелирующие с интересами чтения на тот момент — война с немцами, рыцари ли, мушкетёры, римляне с греками, индейцы.

Самая длительная и почему-то самая сладкая фаза таких игр состояла в том, чтобы аккуратно расставить все эти стройные ряды с командирами и полководцами во главе. Поротно, побатальонно, побатарейно. Губы выдувают трубные звуки бодрых маршей. Два взвода шашек парадно в две шеренги выстраиваются во дворе перед шахматной доской — замком короля. Поставленные на попа короткой стороной доминошки, постоянно рискуя создать эффект своего имени, маршируют по дороге в горы, к дивану. В горах, на перевале, на спинке дивана, притаились оловянный лежащий пулемётчик с обломанным дулом и залёгший с ним отряд мелких синих пластмассовых матросов в бескозырках и бушлатах (почему-то им всегда хотелось откусить голову, поэтому некоторые из них были с перекрученными или выгнутыми шеями). Хороши как солдаты в моём воображении были аккуратные параллелепипеды жёлтых некрупных кубиков. Они на худой конец могли сойти и за лошадей для пешек: конник образовывался, если пешку я приставлял к кубику. В отряды всадников, помимо настоящих пластмассовых революционных или из рыцарей, зачислялись и красные, треугольные с боков кубики. Самыми же лучшими были, без сомнения, шахматные фигурки. Два комплекта — небольшие блестящие лакированные статуэтки недавно подаренного мне набора и старинные, с патиной времени и оттого благородные отцовские, частично уже не досчитывающие личного состава. Облупившихся, их я как-то выкрасил заново масляной краской — одних в слоновую кость, другие стали серыми.

Впереди на лошадях скакали офицер и тура (потом у Вячеслава Вячеславовича переименованные, соответственно, в коней, слонов и ладей). Восьми-битный взвод пешек по две в ряд шёл за ними умирать навстречу такому же, но антагонистичного цвета. Умирили они во имя своих короля и королевы (ферзя. — В.В.). Я брал противоположные фигурки обеими руками, стучал их друг о друга: «Дж-ж, дж-ж-ж», — горы трупов, о поле, кто тебя усеял?.. И победители шли на поминальную тризну, во вражеский лагерь. Обречённый король словно Антоний из фильма с Клеопатрой бросался в одиночку на вражеское войско, но там его совсем не благородно убивали. Вот чёрная королева схвачена. Злодеи

рассаживаются в амфитеатре коллизе полюбоваться на казнь. Королева одинока, трагична, но горда. Ей набрасывают на шею петлю из нитки, мгновение — и фигурка болтается на перекладине стула...

Некоторое время я ещё весь под впечатлением случившегося и пережитого, так что не могу сразу начать складывать игрушки в коробки.

Интерес к шахматам и их фигуркам подогревался и книгами. Среди любимых были, конечно, «Алиса в Зазеркалье», «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассила.

Страсть читать привила мама. Мне читали вслух, учили вместе со мной наизусть стихи и поэмы. Книг у меня было много, подаренных, замечательных и красочных, иногда изданных за границей, в соцлагере. В твёрдых переплётах и просто в мягких обложках, толстых и тонких, больших и маленьких, для маленьких и не очень, с прекрасными иллюстрациями. Вот тоненькая, для маленьких, «Баня»: «Перестали птицы петь / Спрятались в бурьяне / По тропинке шёл медведь / С узелочком в баню». Или уже в настоящих «корках». Тут стихи про клюковку, которая дом на болоте нашла, про Машу и манную кашу, про кита, которого поймали у Литейного моста, а потом его, вывешенного за окном, съели коты (мы тоже зимой вывешивали в сетке на кухне за окном продукты, отец даже сколотил там ящик). Была в той «Ребятишкиной книжке» скороговорка, вот, помню: «Вёз корабль карамель / Наскочил корабль на мель / И матросы две недели / карамель на мели ели». Помню сказку родом откуда-то из Восточной Европы про больного зайчишку, его храброго братика и курочку, которая снесла красное яичко. Я наизусть знал Сказку про Мальчиша-Кибальчиша, про его босоногий подвиг и гибель от предательства прислужника буржуинов. Учил с мамой про царей Гвидона, Салтана и бабу Бабариху, про старика с рыбкой и старуху с корытом. Легко ложатся в память Дядя Стёпа и Муха-Цокотуха вкупе с Доктором Айболитом. Крокодил Гена ходит с апельсинами в гости к Чебурашке в его телефонную будку и вынашивает планы воздвигнуть для него кооперативное жильё. Баранкин превращается то в бабочку, то в муравья, а очкастая девочка всё взывает к его совести стать человеком. Приключения жёлтого чемоданчика я знал ещё задолго до того, как о них с экранов рассказали Пельтцер и компания. Мальчишка в революции, в руках у него глиняная дымковская игрушка «олень — золотые рога»: он пронесёт её через все невзгоды. «Измена Петьки Моржа»: беспризорники после Гражданской войны, разборки со шпаной. Или совершенно авантюрные и атмосферные не то пьесы, не то сценарии из «Копилки мудрости», — произведения ныне сгинувшего, никогда не экранизированного автора. Наверное, я один через годы храню благодарность ему за мою детскую увлечённость его вымыслами.

Достались мне в наследство и мамини школьные книжки. Там были рассказы лётчика Водопьянова, червёртая высота Гули Королёвой, кортик и бронзовая птица Анатолия Рыбакова, Васёк Трубочёв сотоварищи Осеевой, «Дети капитана Гранта», что-то ещё.

Сборник русских сказок «Лукоморье», сказки Андерсена и братьев Гримм ин-фолио, Маугли, Маугли, Пинокио и Буратино, Джанни Родари и Денискины рассказы с Мишкиной кашей, Незнайка на Земле и на Луне, Элли с Тотошкой, Страшилой, Львом, Железным Дровосеком, дальше Карлсон с Мальшом, Лёлишна из третьего подъезда, Гайдар с Тимуром, Чуком и Геком, военной тайной и голубой чашкой, Муми-тролль и Снусмумрик, Кассиль... Держите меня, сам я не останавлиюсь!

Десятки, сотни книг и сюжетов делают мою жизнь десяти-, стомерной. Мама, почитай! Папа, почитай! И уже меня самого выучили читать, уже я извездил книги на своих двух полках взад и поперёк. И это ещё я не добрался до собраний сочинений у нас дома, у родственников, у соседей, ещё не записался в детскую Ленинскую библиотеку за углом

на улице Фрунзе. Впереди Жюль Верн и Дюма, Конан Дойль и Джек Лондон, Стивенсон и Гюго, Вальтер Скотт и Майн Рид, Марк Твен и Сент-Экзюпери, Александр Грин и Александр Беляев, Владислав Крапивин и... далее по списку. Детство никогда не кончится.

Бабушка Тося, Антонина Павловна, мать отца, хотела даже в юности стать оперной певицей. Потом мечтала, что её сын будет играть на скрипке. Его болячки помешали этому. А вот её внука моя родная тётя по матери записала в свою музыкальную школу еще в старшей группе детского сада. Потом я восемь лет занимался скрипкой, чтобы по окончании этого длительного курса забросить инструмент практически полностью.

Первые годы меня водили, потом я ходил с футляром туда-обратно уже сам. По Трудовой, через Ковалихинский овраг, мимо деревянных домишек и магазинов к площади Свободы, ДМШ № 6. Тётя Лена преподавала там музлитературу, а директором школы была её свекровь Ирина Николаевна. Первый преподаватель по основному инструменту у меня был добрый и домашний Иосиф Абрамович. Который был настолько добр, что не стал заставлять меня правильно держать левую руку, так что она привыкла намертво цепляться за гриф и практически не двигалась, когда требовалась беглость пальцев. Аналогично дубово двигался смычок. Второй мой преподаватель, громадный и строгий Лев Николаевич, который больше даже играл на альте, чем на скрипке, с ожесточением отдирает мои скрюченные, вцепившиеся в гриф пальцы, стучал мне по руке своим смычком и кричал: «Расслабь! Отпусти! Ах, загубили мальчишку!» Хватал нервно мою игрушечную «половинку» огромными лапищами и виртуозно, что клоун в цирке, показывал, как надо пиликать, едва попадая в ноту гигантскими пальцами и извлекая смычком резкие и дерзкие звуки.

Помню, как мы с мамой последний раз ходили к Иосифу Абрамовичу в небольшую квартирку в деревянном домике в глубине двора на улице Ульянова, недалеко от площади Минина. Он уже тогда ушёл из школы, и ему отрезали ногу. Мой преподаватель погладил меня по голове, мама о чём-то с ним говорила. Умер он очень скоро.

Льва Николаевича я, можно сказать, боялся. Боялся, что плохо играю, что не выучил пьесы, что я вообще такой маленький, а он такой большой. Ещё я боялся преподавателя сольфеджио Наталью Николаевну, крупную женщину с голосом фельдфебеля. Мы были у неё солдатами на плацу, и она должна была научить нас уму-разуму, всем этим доминант-септ-аккордам. Своим тонким дрожащим от страха писклявым голоском (типа, тенором) я выводил трезвучия, а потом писал заковыристые аккорды диктантов, зарабатывая себе «хорошо» в дневник. Был ещё хор, там уже в куче было не так страшно. Среди других голосов затерявшись, можно было даже найти интерес и к самой исполняемой общими усилиями музыке. С середины школы, когда учащиеся мало-мальски начинали осваивать инструменты, начинался оркестр. Каждый год ты двигался по карьерной лестнице, перемещался со стула на стул: из третьих скрипок — во вторые, из вторых — в первые, это уже в выпускном классе. Отличникам доверяли соло, я не солировал никогда.

В перерыв инструменты оставляли на стульях, оркестранты выбегали из зала и устраивали бешенство в коридорах и подвале школы, гонялись друг за другом, прятались в неосвещённых дальних уголках подвала, где кроме туалета располагались клетками-темницами нарезанные дополнительные классы. В пустующем зале можно было попробовать извлечь звук из виолончели, примериться к какому-нибудь другому, порой экзотическому инструменту. Или почитать захваченную с собой книжку.

Много лет спустя на встрече с одноклассниками нашей общеобразовательной школы отличница Жанка, с которой на выпускном мы

составляли знаменную группу, призналась мне, что направила учиться скрипке своего сына, памятуя образ «маленького мальчика Андрюши с большим футляром», бредущего в свою музыкальную школу через Ковалиху, где в построенных новых девятиэтажках жило тогда пол-класса.

Хрестоматийно, когда ты с отцом катишься с горы на санках. Ну, пусть хрестоматийно я с ним и поеду.

Кататься ходили зимними вечерами, когда зажигались уже тарелки-фонари на проводах. Горка была на проезжей части улицы Фрунзе, круто устремляющейся вниз в Ковалихинский овраг где-то с середины, с того места, где влево шёл проход в мою будущую школу. Тогда ещё это была дорога в мой детский садик, Ковалиха еще не застроилась длинными девятиэтажками, и по ней редко ездили машины. Фрунзе же была так наезжена санками и лыжами, что ни одному нормальному водителю не взбрело бы в голову забраться по ней наверх.

Как отец умещался на санках, сегодня я понять не могу. Я садился перед ним между высоко задранными коленями его геологических ног, мы неслись вниз, страшно и весело, он подруливал по льду подошвами ботинок. Тащить вверх санки для нового спуска было не так весело. Особенно, если в тебя въезжал кто-нибудь сверху и отправлял в исходную точку, к кирпично-деревянному тогда магазину на перекрёстке, годы спустя перед сносом превратившемся на довольно длительное время в приёмный пункт макулатуры. Туда мы с отцом потом тоже на санках возили сдавать связанные кипы картона, бумаги, газет и даже отобранных ненужных книг в обмен на талоны на дефицитные книжные издания.

На санках и на лыжах можно было еще кататься и с откоса на Верхне-Волжской набережной от института травматологии (ГИТО), перемахнув на склон через чугунную ограду. Здесь было много снега, и надо было сначала накатать трассу, чтобы не увязнуть в сугробах, так и не доехав до конца спуска. Помнишь, как ты потом приходил домой: варежки на резинках и валенки забиты снегом, в шубе и шапке лёд, колени штанов и подштанники мокрые, из носа текут два бодрых ручья, солёные струи которых поминутно слизывает язык?

Солнечными выходными в начале марта мы троём — мама, папа, я — ходили на Волгу на вербный остров на лыжах, собрать букетики пушистых заячьи-серио-серебристых вербочек. В женский день в вазе с водой они опушались жёлтой пылью, которой так забавно было измазать нос. Спускались по длиннющей лестнице, сварной металлической, с деревянными ступенями, частично отсутствующими, особенно в конце. Шли заснеженными песками, потом, минуя бетонку, еще спускались к реке. Форсировав по накиннутой доске проталину у самого берега, надевали на лёд Гребного канала лыжи и мелкими шагами двигались по одной из проложенных лыжней к острову, сплошь покрытому вербными кустами. Мимо сидящих у лунок на самодельных ящиках рыбаков, мимо разбросанных рядом выловленных окуньков и ершей, некоторые из которых прыгали, изгибаясь и радушно блестя на солнце.

Одним из деликатесов в детстве была приготовленная бабушкой жареная картошка с шампиньонами и под сметаной. Я был страстный охотник как до шампиньонов, так и за ними. Я ковырял их из-под асфальта и у дома, и на улице, караулил появившиеся потрескавшиеся кочки, чтоб не отдать врагу. Я знал и тайл места, где они могут вылезти на газонах или в садике за низкой железной оградкой во дворе. Со своей добычей бежал на пятый этаж к бабушке. Она поощряла мою тихую охотничью страсть, сама не чужда была этой типично городской забаве. Помню, был год, когда на газонах Верхне-Волжской набережной

неожиданно повылазило невероятное количество «дунк», и мы с бабушкой по-настоящему, с корзинкой, пошли собирать грибы.

Когда мама собиралась печь «что-нибудь вкусенькое», я тут же оказывался рядом на кухне. Меня интересовал сам процесс готовки, и я часто рвался в нём поучаствовать. Мне поручали раскатывать скалкой тесто на столе, взбивать пружинкой на деревянной ручке крем, проворачивать в мясорубке через специальные насадки массу для песочного печенья — лез длинный фигуристый червяк, которого надо было резать на палочки и рядами укладывать на противень. Каждый новый ряд для разнообразия я пропускал через новую насадку.

Мама замечательно пекла торты — «Наполеон», «Анютку», готовила сладкое пирожное-колбасу, булочки с заварным кремом. «Неудавшиеся», равно как и обрезки тортов после их «выравнивания» тут же доставались мне, плюс моей всегда была кастрюля с остатками крема, которые сладко было выгребать пальцем со стенок и со дна и отправлять в рот. Заварные булочки были фирменным блюдом маминого ресторана.

Днём почтальонка принесла бабушке пенсию. Они появились на кухне, когда я заканчивал полдничать. Бабушка предложила женщине домашнюю выпечку, приготовленную для меня на тарелочке на десерт. «А мне?!», — взвыл я. Бабушка посмотрела на меня страшными глазами, почтальонка смущённо поспешила уйти. Что было после! Мне на всю оставшуюся жизнь объяснили тогда, что такое хорошо и что такое плохо. Ах, бабушка, бабушка! Учебник жизни...

Случалось, бабушка кричала во сне. Начиная издали и негромко: «А-а-а... А-а-а». Потом всё увереннее и уже в полный голос, — жуткий леденящий крик. Я слезал с кушетки, подходил к её кровати в закутке маленькой комнаты и осторожно, чтобы ещё больше не напугать, тряс её руку: «Бабушка, проснись, ты кричишь». Она всё равно в итоге пугалась, вздёргивалась: «А?! Что?!» — «Ты кричишь». Уже тихое «а-а!», отворачивалась, опять засыпала и начинала привычно храпеть. Мне представлялось, что ей опять приснился тот немецкий солдат, с кем она, по изустным семейным преданиям, сцепилась из-за буханки хлеба, которую тот пытался у неё отнять. Бабушка прятала хлеб для дочек на антресоли в сенях на Косой горе, где они в войну оказались в оккупации на три месяца, а в доме у них расквартировался отряд эсэсовцев.

У меня же были свои страхи. Потные и мучительные. Я сильно впечатлялся, когда у нас в квартире ломались замки или плохо закрывалась дверь, протекал или засорялся унитаз, обваливалась штукатурка с потолка или в стене рядом с батареей образовывалась трещина, в которую чуть ли не руку можно было просунуть на улицу. Отец это пытался заделать всё какими-то тряпками с цементом, замазывал, подгонял. Но во снах дыры и трещины расходились до гигантских, чреватых катастрофой размеров. Особенно ненадёжной была входная дверь, петли у неё отсутствовали, запоры держались на честном слове, так что если вовремя не прибежать держать её изнутри, злодей мог ворваться и убить всех спящих родных и меня тоже. Я должен был успеть забежать на кухню, вытащить из ящика кухонного стола самый большой нож и встретить ворвавшегося врага в коридоре, пока он делов не натворил. Бандиты обычно спускались с чердака, куда вели два лестничных пролёта и на верхней неосвещённой площадке были две окованные железом глухие двери. Одна была заколочена насмерть, другая закрывалась большим замком, ключ от которого хранился у дворничихи. Вероятно, второй ключ был и у злоумышленников.

На лестничной площадке напротив нас жила татарская семья дворничихи тёти Маруси и дяди Бори Измаиловых. Их старший сын Руслан недавно в очередной раз вернулся из тюрьмы и по этому поводу всегда был пьяным, водил безобразных дружков, с которыми дрался тут же

на лестнице с криками и поножовщиной, постоянно стучаясь и в нашу дверь. Измаиловы не пускали его в квартиру, он ломился, круша; выходили младшие братья — и побоище продолжалось с новой силой, пока он в крови, моче и рвотине бессильно не успокаивался на мраморных плитах лестницы. Наступало затишье до следующей попойки или посадки.

От приснившихся страхов я просыпался и не мог заснуть, ноги мёрзли, а сам я лежал под одеялом весь в холодном поту и пытался считать слоников, чтобы отвлечь мысли, как учила мама: «Раз слон, два слон... сто тридцать шесть слон...» Терпеть это больше не могу! Мелкими босями шажками крадусь к тяжёлой двери спальни родителей, долго стояю перед ней в нерешимости (иногда даже возвращался к себе в постель, устыдясь), потом стучался, толкал: «Мама! Мне страшно...»

Мама, почти ничего не говоря, забирала что-то и шла спать на мою тахту, я же лез к отцу на диван к стенке, пытаюсь натянуть на себя часть одеяла, и ждал, пока отпустит.глядел, как двигаются по стенам и потолку узорчатые световые тени занавесок от фар пронесившихся по Минина приподнявшихся машин. Отец был абсолютным разрешением моих ночных страхов.

Пятиэтажный наш дом возвышается в центре квартала с низкими кирпичными и деревянными особнячками как в бухте океанский лайнер среди всякой портовой мелочи. Квартал ограничен улицами Минина и Лядова (ранее и теперь Большой Печёрской), второй и третьей, если считать от Откоса, а с боков — Фрунзе и Трудовой. Третью его, со стороны Трудовой, занимает пожарная часть, «пожарка». Там посередине большой кирпичный дом, внутри которого гараж для пожарных машин, выезжающих из двух застеклённых сверху ворот по сигналу слышной на всю округу тревоги. Через стёкла видно, как пожарники или пожарные — мне всё равно — в брезентовой экипировке спускаются, скользят по трубам как по канатам, из караульного помещения на втором этаже и занимают места в машинах. Одновременно открываются ворота, тащатся шланги, каски, деловая суета... И вот через две-три минуты взрываются моторы, обе машины одна за другой, включив сирены и мигалки, неспешно спешат к месту пожара, адрес которого без утайки объявлен диспетчером по громкой связи. Чаще всего вызов ложный или незначительный, машины вскорости возвращаются назад. Но иногда их нет долго, а когда они появляются, возбуждённые, уставшие люди потом прямо перед воротами под струями воды отмываются от копоти, развёртывают на асфальте для просушки длинные шланги. Редко, но случалось, что в это время опять взрывалась сирена тревоги и включался неумолимый голос диспетчера. Тогда моим детским ушам лучше было не слышать слов, срывавшихся с уст пожарных.

По периметру пожарки стояли какие-то длинные одноэтажные пакгаузы, ограничивая её квадрат, в том числе и от нашего двора. С крыш наших сараев можно было забраться выше до гребня двухскатной крыши этих построек, залезть там и наблюдать за военным распорядком жизни этого мира. Уже будучи постарше, мы с Димкой Безбородовым, бывало, дразнили всякими глупыми репликами прогуливающиеся по двору в галифе, сапогах и белых рубахах свободные от вахты расчёты, иногда доводя их до белого каления. Тогда мужик, у которого у первого лопало терпение, грузно лез на крышу, чтобы разобраться с нахалами. Но куда ему было до наших мальчишеских ног, для которых крыши были как родная стихия!? Слыша за собой грузное топанье кирзачей по кровельному железу и «матерки», мы стремглав неслись по хорошо известным нам лазейкам и проходам, чтобы потом в укромном местечке хохотать и делиться впечатлениями от захватывающей погони.

Только один раз нам в подобной ситуации не повезло. Тот же Димка уже не очень безобидными словами стал доставать студентов, загоравших

с девками на крыше построенной к тому времени девятиэтажной общаги Инъяза. Кричал-то он снизу, будучи уверенным в своей абсолютной безнаказанности, и кричал долго, столько, чтобы один из верховой компании успел спуститься на лифте и появиться за спиной напросившегося на разборку. Мало того, что Димке надавали подзатыльников, но потом нас еще и к родителям привели.

Домишки в квартале каждый был со своим двориком, вход в них для ребят с нашего самого большого и многолюдного двора был как бы табуирован. По каким-то негласным законам в чужие дворы мы заглядывали только по необходимости, транзитом, во время массовых игр «вокруг квартала». Поэтому для меня они всегда были таинственными и страшновато-притягательными. Впрочем, и наш двор был территорией, запретной для «чужаков», за этим ревностно следили все взрослые, дворник и «домоуправительница» Маригригорьевна — Мария Григорьевна.

Свой двор, свои сараи, тротуары на улицах (для общего пользования) были нами исхожены, избеганы, использованы и изъезжены на велосипедах взад и поперек, так что план или схему «места действия» могу по памяти нарисовать и сегодня.

Тротуар на Минина был самым широким, потому что дом стоял чуть в углублении от общей линии фасадов. Слева находились большие распашные на обе стороны металлические ворота, снизу закрытые приваренными листами, а на высоте груди — с решёткой, сквозь прутья которой я свободно пролезал. На створках ворот было хорошо качаться, если кто-нибудь их двигал туда-сюда. Наверх кирпичного перекрытия ворот мог забраться только Димка. Сбоку, к дому, меж выбеленных кирпичных столбов находилась такая же металлическая, но меньших размеров калитка. Она никогда не запиралась, в отличие от ворот, на которых время от времени появлялся замок. Рядом с калиткой была небольшая скамеечка, где вечерами можно было сидеть, демонстрируя прохожим, кто здесь хозяин. С другой стороны фасада между домом и выступающим вперёд баракком пожарки было узкое, меньше метра шириной пространство, загороженное досками высокого заборчика. Если из двора, из закутка за кочегаркой по угольному ящику залезть на скруглённый карниз цокольного этажа дома, то по нему можно было добраться до этого заборчика и, подтянувшись, прыгнуть на улицу. Надо сказать, что все эти акробатические упражнения были выработаны почти у всех в нашем ребячем дворе до автоматизма.

Чтобы у нас в доме появилось пианино, настояла тётя Лена. Родители поднапряглись — и вот в гостиную вносят новенький блестящий чёрный ящик, только что со ступеней советского ширпотреба. У меня полчаса в неделю в музыкальной школе «ф-но», чтобы я смог освоить навыки виртуозности. К концу занятий я научился одним пальцем подбирать любую мелодию, а вот двумя руками у меня практически ничего не выходило, видимо, из-за такого устройства моего головного мозга, который плохо координировал одновременную работу обеих рук.

Пианино надо было эксплуатировать как-то сильнее, чтобы окупилась затрата на него. В этом мне помогал приходящий в гости Димка. Когда родителей не было, мы поднимали верхнюю крышку и прикалывали к войлочным молоточкам кнопки. Звук получался как у клавиесина, мы его усердно извлекали. Кнопки сыпались от ударов в ненасытное чрево инструмента. Потом эксперимент продолжался. Мы засовывали между молоточками и струнами газету и лупили что есть силы. Звук менялся в своих дребезжащих оттенках по мере того, насколько разодранной становилась бумага.

Димка постоянно себе что-нибудь ранил и пробивал, был регулярным посетителем приёмного покоя ГИТО, благо, оно через дорогу. Вот мы бежим по Минина мимо барака пожарки, и он умудряется своей упрямой

коротко стриженной башкой со всего разлёта зацепиться за крюк, который должен держать водосточную трубу. Труба куда-то ушла, пришёл Димон. — В ГИТО!

Вот он висит на суку на тополе, под ним острые копы ограды садика. Висит уже долго, я внизу жду финала. Больше он уже висеть не может, пальцы разжимаются... — В ГИТО!

Вот он отнял у мелкого Мамина трёхколесный велосипедик, взгромоздясь, усиленно накручивает педали. Обиженный с плачем догоняет его и суёт палку в переднее колесо. Кульбит через велосипед и голову — в ГИТО!

Вот мы прыгаем с крыши сарая в сугроб, а там под снегом...

Вот он записался в лыжную секцию на трамплин...

Когда читаешь некоторые книги, особенно зарубежных авторов, немцев, французов, итальянцев или каких-нибудь латино- или просто американцев, часто удивляешься, зачем они мне постоянно втюривают названия каких-то своих городков, посёлков, улиц, кафе, скверов. Я должен по их прихоти разбираться во всех этих бургах, сити, штрассе, стритах и авеню, кофейнях и забегаловках. «На углу 5-й авеню и Пацифик Роад он зашёл в низкое бистро, где всегда ровно в 10-00 выпивал 2 (две) чашечки кофе без сливок с марципаном». К чёрту ваш пацифик! Если он вам дорог, пишите его себе в дневник под подушку, а не издавайте мне на русском родном языке.

Ну так вот, возвращаясь к нашему двору... По периметру его огораживающей коротконогой буквой «П» располагались сараи, некоторые из которых являлись одновременно и гаражами. Все они были самостроями, демонстрировали достаток, возможности и статус хозяев. Гаражи кирпичные, с железными воротами — за ними стоят обе «Победы» нашего дома. В другом, поменьше, укрылся «москвичонок», в деревянном — горбатенький запорожец. Единственная «Волга» почему-то жила под открытым небом, там, где кончался асфальт.

Другие сараи, составлявшие большинство, были вполне себе деревянными. Низкие и высокие, узкие и широкие, более и менее основательные, заброшенные или используемые, — все они составляли-таки единую разноуровневую цепочку, на крышах которой проходило множество детских игр. Жильцы с пониманием относились к нашим потребностям и терпели, пока чья-нибудь незадачливая нога не прорывала совсем уж старый толь на прогнившей обрешётке нерадивого хозяина.

Двери и окна на этажах в обоих подъездах нашего дома выходили во двор, над входами висели лампочки с выключателями на первой лестничной площадке. У входа были уложены квадраты псевдо-мраморных плит, обозначающие крыльцо. Двери были двойные, массивные, со старинными еще ручками, медно-деревянными. На этой почерневшей меди я как-то зимой оставил часть кожи языка: так уж захотелось её лизнуть! Подобный случай — ведь учатся на ошибках — повторился и с металлической оградой садика...

Садик был в самом центре двора, за широким асфальтом перед домом. В нём обычно летом разбивали клумбы, чаще числом три: посередине круглая, прямоугольные по бокам. Дворник поливал цветы из шланга, подсоединявшегося к отростку трубы, торчащей в цоколе здания. Съёмный вентиль от крана он носил с собой. В жаркие дни он поливал еще и асфальт, песок в песочнице, кусты, деревья. Ну и нас, мальчишек, конечно. Мог и осчастливить, вручив на какое-то время вождеденный шланг в твои руки.

Были в скверике в разных концах два дощатых стола со скамейками напротив друг друга, ящик песочницы с грибком. По периметру росли разновозрастные деревья и кусты: старые тополя, пожилые берёзы, липы в расцвете сил, молоденькие рябинки, акация, колючий шиповник,

где проход запрещён. В нескольких местах ограды прутья решётки были выломаны, там шли наши «звериные тропы», по которым мы беспрепятственно на бегу преодолевали низкое ограждение, чтобы каждый раз не возвращаться к единственному официальному входному проёму.

Слева садика высилась в уровень второго этажа дома трансформаторная будка. Глухая, штукатуренного и побеленного кирпича, под железной скатной крышей, с замком на двери, с положенной пиратской табличкой, где череп и кости: «не влезай — убьёт!» Перед будкой на левой ноге «П» до сараев также был асфальт.

К чему это я?

Вот, скажем, офицер в боевой обстановке должен производить точный расчёт времени и места. Ну и личного состава, конечно.

Мы играли в дворовые игры. Это почти как у того офицера. Время — лето, зима или межсезонье. День или вечер. Место — садик, «вокруг садика», «вокруг квартала», асфальт перед домом, «по крышам», в подъезде... Личный состав — «ребята с нашего двора», с двух подъездов, с трёх десятков квартир. Весь же численный разновозрастный двупольный состав, включая штабных и повара — едва десяток единиц, из них от силы половина — строевых. Всех на смотр, проведём переключку!

Вот я иду гулять во двор. Не на полчаса, не на час — надолго. Меня будут вечером кричать из верхнего окна нашего подъезда: «Андрю-у-ша, до-мо-о-й!» Я буду отвечать: «Ну ищё немножко погуляю!» И так, во дворе пусто. В окне первого этажа на кухне маячит Димкина голова. Завидев меня, на улице он появляется через несколько минут. Мы начинаем выход квартир, поэтажно, поподъездно. «А Наташа выйдет?» «А Аркаша выйдет?»...

Димка меня на год старше. Старше его еще года на два в нашей компании только Рафа, он инвалид, у него то ли рахит, то ли полиомиелит, то ли ревматизм какой. Его надо везде таскать на себе, сам он может только сидеть. Он мой почти самый лучший друг. Ну и Димон.

На четвертом этаже соседнего подъезда живёт Аркашка, на год-два помладше меня. Для игр подходит, но «уклонист», чуть что — родителям бежит жаловаться. Его мамаша потом сверху всякими неприличными словами Димку, надававшего только что её чаду подзатыльников, поливает. Ругаться она умеет! Но пока она высоко, Димка тоже в меру отвечает: «А чего он сам...»

В подвале, где в ранние годы моего детства еще находились странно и скупо нарезанные квартиры с полуподвальными окнами, жили братья Марковы. Небольшие, погодки, крепко сбитые, гуттаперчевые, с круглыми головами и кулаками, старший — Аркашкиного возраста. Они всегда мне напоминали каких-то прыгунов-марранов из сказок Волкова про Изумрудный город. Тех, которые запросто могли навешать по носу Храброму Льву. Вместе они представляли силу, способную дать отпор даже Димке, характер у них был на букву «г», в общих играх они редко принимали участие, только когда уж требовалась всеобщая мобилизация.

Зато девчонки были что надо! Две Наташки — одна с прозвищем «Голодяйка», вторая Прохорова — постоянные участницы наших игр. Младшая сестра Прохоровой Ирка и фифа Ольга Л. тоже играли, но больше в роли статисток.

Мелочь типа Игорька Мамина или его сестрѐнки Ирки в расчёт не принималась, они могли стоять с лопатками в руках по краям поля наших ристалищ и изображать толпу зрителей.

Все остальные были из возрастных категорий, которые или ещё не входили, или уже не входили в нашу компанию.

Колдунчики. Некоторые игры в нашем дворе болели гигантоманией, например, эта. Апофеозом как-то раз стали «тотальные колдунчики». Тогда были мобилизованы не только практически все от мала до велика члены нашей команды, но пришли поучаствовать ребята постарше, которые обычно с нами не играли. Были даже представители соседних дворов квартала. Всего набралось, думаю, до двух десятков детворы. Игра по уговору проходила «вокруг садика», внутрь или через который бегать запрещалось. То есть игровое пространство напоминало беговую дорожку вокруг поля стадиона.

Колдунов тоже была целая команда, несколько человек. Это позволяло им использовать тактику загонов. Двое в одном месте перегораживали дорожку, двое других гнали на них по кругу стадо убегающих. Стадо шло на прорыв, используя свою многочисленность: «всех не переколдуешь!» Многие битой дичью оставались в месте прорыва с вытннутыми в стороны руками, но часть успешно преодолевала кордон, шла на второй круг. Поскольку запятнать всех в одном месте не получалось, а «дичь» меняла тактику и уже не бегала стадом, но пыталась расколдовать пленённых членов на отшибе, подбираясь с разных концов, колдуны вынуждены были караулить закодированные массы, выставляя охрану. Личного состава у них не хватало. Процесс начинал идти в обратном направлении: чем больше было расколдованных, тем труднее загонщикам было караулить оставшихся пленных. Игра начиналась чуть ли не с начала.

Кульминационным моментом являлась ситуация, когда оставался один незаколдованный, за которым гонялся один колдун — все остальные жрецы его языческого культа должны были охранять трофеи. Тут уж ситуация зависела только от тебя, судьбы мира были в твоих ногах. В последнем предсмертном броске ты касался протянутых рук двух особей, которые должны были дать продолжение твоему роду. А сам погибал. Как герой.

Еще один тотальный армагеддон случился в другой раз, игра относилась к разряду «войнушек». К битве готовились долго и заранее. Вооружались рогатками и самострелами. Последние были разных типов — с прищепками для стрельбы камешками, или с проволочными спусковыми механизмами — для стрельбы пульками из такой же алюминиевой проволоки. Пульки штамповались серийно в промышленном масштабе: один резал, другой гнул пассатижами, потом их раскладывали по заготовленным впрок пустым спичечным коробкам. Кроме того на вооружение поступили пластиковые трубки, которые делались из невесть откуда свалившейся на наш двор бухты телефонного кабеля. Внутри была цветная красно-сине-зелёно-белая проволока, которая прекрасно шла у нас долгое время на декоративные плетёнки-брелоки, шариковые плетённые ручки, различные поделки и вообще для разнообразных нужд. Потом была обмотка из фольги, ещё какой-то изолятор. И если из полуметрового обрубка такого кабеля удавалось выгащить внутренности, то чёрная пластиковая трубка оболочки превращалась в идеальное стрелковое духовое ружьё, сопоставимое и даже превосходящее те, которые все мы обычно вырезали из дудника. Калибр её соответствовал крупной ягоде рябины, которая била по телу ощутимо больно. Само собой, что вся рябина и калина в округе была моментально оборвана (вывод — было это осенью).

Сражение было командным. Полки расположились внутри садика на противоположных сторонах. У нас за старшего был Рафа. Напротив были парни с рогатками, его ровесники, но вполне себе здоровые. Я служил заряжающим у Рафы на самостреле. Мы догадались заранее изготовить фанерные щиты с лямками, чтобы держать одной рукой, и укрывались ими от града пуль как какие-нибудь спартанцы от стрел, ведя непрерывный ответный огонь. Вот уже Димку совсем забили из рогаток и трубок; он, простреленный и в синяках, утонулся в тыл. Вот у нас закончились патроны. Меня посылают вперёд, собирать пульки

на поле боя. Там этого металла как на полях сражений Первой или Второй Мировой. Укрываясь щитом, ползу на четвереньках и набиваю пустой коробок, не слыша, что Рафа кричит мне о приближающейся опасности. Тут же получаю тяжёлое ранение в зад от подобравшегося сбоку коварного врага...

Победила тогда третья сила. Какие-то взрослые решительно прекратили побоище на самом интересном моменте. «Как вы глаза-то друг дугу не повыбивали?» Ну да, — как?

Мы ходили друг к другу в гости. Я постоянно бывал у Димки, а он у меня. Я не вылезал от Рафы. Был в квартире у Аркашки, где играли в его довольно приличные игрушки. Некоторые родители собирали дворовую детвору за праздничным столом в дни рождения своих чад. Праздновали в подвале у Марковых в тесном кругу, были на светском приёме у мамы Ольги Л. — в её салоне тогда читали вслух «Винни-Пуха». Дидактический праздник проходил на квартире мелкого Алёши Русаковича, чья красивая мама Вера, накормив пирожными и напоив чаем, пыталась после вышибить слезу у нашей компании отрывками «Белого Бима Чёрного Уха».

По приглашению родителей Наташки Голодяйки я ходил «подтягивать» её по математике. Жила их семья ровно под нами на четвёртом этаже в одной коммунальной комнате. В другой комнате напротив обитал старик-шахматист Вячеслав Вячеславович. Наташка училась со мной в одном классе, как и Оля из соседнего подъезда. Училась где-то на тройки, но имела «5» по физ-ре. Была она жилистая, голенастая, бегала на физкультуре в своих раздутых шароварами чёрных трусах и мальчишеской майке лучше всех в классе, ну и во дворе. Жидкие косички, очки, одно стекло которых заклеено белой бумагой (вроде бы так в то время лечили косоглазие?). Коза. Пацанка. Попасть в неё мячом в вышибалы практически невозможно.

Наташкин отец простой рабочий дядя Юра общался со мной как с равным. Он жал мне руку (у него на протянутой руке не было одного пальца) и типа говорил: «Научи уж ты мою бестолочь». Нам выделяли часть места на одной из тумбочек, покрытых салфеточками, сдвигали в сторону слоников. Я решал ей домашнее задание. Потом Наташка по указанию дяди Юры шла провожать гостя до двери. Там, в тёмном коридоре среди тесноты заваленных всяким барахлом шкафов мы ритуально целовались в губы на прощание.

Иногда меня тут же перехватывал Вячеслав Вячеславович. В комнате у него было как в берлоге. Разгребали от книжек и журналов место на диване, раскладывали шахматную доску, расставляли фигуры. Используя проникавший в открытую дверь свет от всегда горевшей люстры соседей, в полутемноте я познавал отличия Сицилианской защиты от защиты Каро-Канн.

Потом ВВ умер. Это было как раз, когда решили строить общежитие Инъяза и начали ломать наши сараи во дворе. В руинах сарая покойного я обнаружил и забрал целое богатство — шахматную литературу — учебники, альманахи, бюллетени. Впрочем, полноценно воспользоваться той находкой мне было не суждено: где-то в это время я на десятилетие вперёд уже увлёкся игрой го, практически забросив шахматы.

Но на самом деле мне во дворе больше всех нравилась Наташка Прохорова. Широкое украинского типа правильное лицо с большими глазами и ямочками на щеках, южный мягкий говор, и вообще в её облике было много того, что позже я бы назвал «женским». Я тихо млеял от её образа, никак не выдавая себя во время общих игр. Единственный только раз страсть моя вырвалась наружу. Зимой, навалившись в сутробах,

вечером мы пошли как-то сушиться на батарее в первом лестничном пролёте соседнего подъезда. Вот верхняя одежда дымит тёплыми парами на горячем металле, мы сидим на ступенях и играем в «кис-кис-мяу». Наташка в толстом свитере и зимних шароварах. Она проиграла и теперь должна исполнять моё желание. То есть поцеловать меня. Ей абсолютно это неинтересно и не надо (или делает вид?), она противится. Тогда Димка наваливается на неё, прижимает к полу и говорит мне: «Целуй!» Я жарко лезу к её лицу, потом, оба красные, расплозаемся в стороны. «Ну, я пошла домой...»

Годы спустя я как-то встретил сестёр Прохоровых на улице. Они переехали из нашего дома, когда мне было лет тринадцать. Сейчас Наташка была замужем, родила ребёнка, располнела. Но это ладно! Рядом стояла её сестра Ирка, та невзрачная и тихая Ирка из детства, из отряда «статистов», которые создают фон для героев. Та Ирка, которая улетела в строящийся котлован общаги, когда мы полезли на стройку, и только чудом не напоролась на торчащие из бетона пруты арматуры, едва не разделив судьбу недоразвитых спартанских мальчиков. Так вот: эта-то Ирка сейчас стояла передо мной неписанной и недосягаемой красавицей, выросшим гадким утёнком. Куда я смотрел? Кто мой герой?

После новогодних праздников в сугробах во дворе появлялось воткнутыми много выброшенных ёлок. Через некоторое время ёлки превращались в палки. Мы делали из них клюшки для нашего хоккея с мячом по придуманной Рафиком технологии. Конец ёлочной палки загибался с помощью бечевы, образовавшийся полуовал зашнуровывался в виде сетки. Играли на обледневшем асфальте перед домом теннисным мячиком, иногда просто втроем. Традиционно я с Рафкой против Димки. Рафка сидел вратарём на скамейке перед кочегаркой у второго подъезда, которая была нашими воротами, Димкины ворота отмечались двумя кирпичами у другого подъезда. Мы с Димоном гоняли самодельными клюшками мячик, я нередко издали забивал в его пустые ворота. Но и он прессинговал, устраивал давку у наших ворот. Рафка сползал с лавки, пытаясь накрыть телом «шайбу», я помогал ему, Димка в этой «куче-мале» пропихивал мяч между нами под скамейку. Потом мы долго хохотали, обнявшись, — потные, растрёпанные, раскрасневшиеся, возбуждённые.

Тогда ещё, если Рафу поставить и прислонить, он мог стоять.

Одно время у нас во дворе появился теннисный стол. Сетку обычно забирали, но была доска, которую можно было поставить вместо сетки, закрепив кирпичами. Целлулоидные шарики продавались наборами в магазине «Динамо» и стоили недорого. Ракетки были, но большей частью советские фанерные, без мягких резиновых прокладок. Обладатели дорогих импортных ракеток могли делать коварные кручёные удары, когда шарик, ударившись на твоей половине, летел не к тебе, а обратно к сетке. Простой ракеткой такой удар не сделаешь, но ей вполне можно было «глушить», когда спортсмены начинали принципиально «чикаться», нанося резкие удары справа и слева, снизу и сбоку.

Рафу ставили у стола, одной рукой он опирался на него, к другой бинтами приматывали ракетку. Он готовился к матчу как боксёр к поединку. Пальцы у него ничего не держали, орудовал он больше запястьями. Рафа неплохо отбивал удары и следовал тактике, которую потом позаимствовал Стивен Сигал — использовать энергию удара противника, перенаправляя её. К тому же «глушить» в поединке с ним было невыгодно: всё равно бежать подбирать шарик придётся тебе самому...

Когда начинался короткий летний дождь, мы залезали под крышку стола и там пережидали его. От разбухшего покрытия шарик потом

прыгал иногда совсем в другую сторону. А так на ночь стол заносили в подъезд старшие ребята.

Часто, особенно летом, когда все разъедутся кто куда, приходилось гулять во дворе одному. За «тихими» играми также быстро летело время. Можно было, например, делать в садике тайники с кладами. Под стёклышко, под отколотое дно стеклянной зелёной бутылки надо положить крылышко бабочки, или значок, или замысловатую фольгу, — да мало ли что?! Зарыть, засыпать землёй, песком, сровнять, замаскировать, запомнить место. Забыть. Потом, время спустя, вспомнить, начать осторожно раскапывать... Ага, что там под тусклым стеклом?.. Клад!

Или на скамейке у столика долго тереть друг о друга красные кирпичи. Во-первых, получается красный песок. Во-вторых, обточенные фигурно куски можно тоже как-то использовать.

Или производить археологические раскопки. Когда-то здесь, у лавки, на земле был просыпан бисер. Взяв фанерку, надо тонкими слоями соскребать уплотнившийся грунт в поисках блеснувших бисеринок. Удивительно, что сколько бы ты их не находил, в следующий сезон раскопок выявлялись всё новые и новые артефакты.

Когда гуляешь, у тебя в кармане всегда есть складной ножичек. За двадцать копеек, очень хороший. Можно начертить на земле круг и играть с самим собой в «ножички». По очереди вставать то в один сектор, то, после промаха, в другой. Отрезать территорию противника от дуг окружности (какую выбираешь — маленькую или большую? — пусть выбирает большую: мне-то выгоднее для дальнейшей стратегии «отрезания», а противник жадный), чтобы в итоге образовался треугольник, четырёхугольник, пятиугольник... Раз попал-воткнул, два, три, четыре... А-а-а! В ногу... Ладно, если моему альтер эго не удастся в свой ход пробить освободительный перешеек, я его прикончу в следующий раз!

Ножичком можно вырезать узоры на коре срубленных веток американского клёна. Можно смастерить лук со стрелами, тросточку или свисток. Можно делать свистульки из стручков акации. Можно полежать на разогретых крышах сараев. Можно, только осторожно, чтобы не вляпаться в оставленную кем-то когда-то кучу (да уж не мной ли?), на задах сараев в пространстве до высокого неаккуратного дощатого забора, отгораживающего чужой двор, добраться до сочных зелёных растений. Их стручки взрываются от одного прикосновения, стреляя в разные стороны зёрнышками семечек.

А то забраться по красной стене пакгауза пожарки почти до самой крыши, руками цепляясь за металлические пруты растяжек высокой трубы, неизвестно с какой целью здесь вдоль стены торчащей.

Поискать шампиньонов. Сходить попить ледяной воды к колонке на углу квартала, облившись попутно высоконапорной струёй. Набрать воды в «сикалку» и рисовать водным карандашом на сухом асфальте. Сбегав за ключом, открыть наш сарай, покопаться на полках в старом барахле в поисках чего-нибудь нужного-интересного. Выпросить у бабушки старую раскладушку, вытащить во двор, поставить в тени листвы старых лип и тополей. Лечь и смотреть на белёе облака, тянущиеся по синему небу в просветах крон деревьев, на этажи нашего дома, уходящие к облакам. Мой дом. Мой двор. Сегодня только мой.

Вышибалы. Игра на асфальте перед домом, лишь бы в стёкла первого этажа не зафинтить. Если народа не очень много, то вышибают двое, если же массовка позволяет, то бывает три-четыре вышибальщика, чтобы не терять времени, бегая назад за непойманным мячом. Пока ловят брошенный с другой стороны мяч, за это самое время народ спокойно успевает переместиться к противоположной черте. С такого расстояния

прицельно и сильно бросать сложно, особенно слабосильным бросальщикам. Поэтому им иногда лучше перебросить мяч через головы толпы прямо в руки партнёра, чтобы он смог с близкого расстояния выбить одного, а то и двух (рикошетом: «Задело!») зазевавшихся. Бросать лучше по ногам или в спины убегающим. Резко и сильно, чтобы кто-нибудь не поймал мяч, выпустив на волю всех выбитых до этого.

Кульминационный момент наступал, когда мишенью оставался один. Был это обычно самый ловкий и опытный, выбить его за десять ударов, которые считались хором всеми болельщиками, не всегда удавалось. Вёрткая Голодаяка, Димон, да и я тоже, бывало, каждый раз спасали команду, так что у слабых вышибальщиков кончалось терпение и опускались руки. «Я больше не играю!» — бросив мяч, они с позором удалялись.

— Али-баба! — О чём слуга? — Починяем рукава! — На какие бока? — На пятые-десятые, а подать нам НАТАШУ сюда!

Конечно, я хочу держать за руку Наташку Прохорову. Она разбежится, повисает у нас на сцепленных с Димоном руках. Нас не пробьёшь, она теперь наша. Если же вызывает противоположная команда, то они хотят заполучить себе самого сильного, выкрикивают Димку. Я шепчу ему: «Бери Наташку». Мой друг врзается по всем правилам в цепочку (нельзя рубить руки противника «топором»), если напуганные его разбегом те сами заранее не разнимают сцепленные пальцы. Всем телом и инерцией взламывает и сметает шеренгу, все валятся на землю клубком, в центре которого запутавшийся пойманный Димка. И лишь один Игорёк Мамин, вовремя отстранившийся от свалки, хлопает глазками в стороне, оценивая её масштабы.

Вооружение. Игры из разряда «войнушек» предполагали наличие разнообразного оружия. Для игры «в фашистов и наших», скажем, можно было использовать покупные пластиковые или металлические «пистики», автоматы, ружья. Были, конечно, и самодельные деревянные пистолеты, фантастические ППШ и ППД, вылитый из олова наган. Стреляло всё это обычно простым способом: «Бж-ж, бж-ж! Ты убит! Я первый!» Но имелось, например, и духовое ружьё, выстреливающее из двух стволов пластмассовыми пробками, привязанными верёвочками. Детское оружие, использующее пули-шарики, тогда еще не изобрели. Зато самострелы с гнутыми пультками из алюминиевой проволоки производились нами массово, но стрелять ими друг в друга было опасно и больно. Поэтому из них стреляли по мишеням, по расставленным в песочнице солдатикам, по повешенной газете, которую дырявили в клочья. Детские самострелы с прищепкой и камушками я не жаловал.

Одно время Димка притащил во двор сделанный кем-то и где-то «поджиг». Запаянную трубку набивали серой со спичек, в ствол забивали равный по диаметру шарик от подшипника. Ударный механизм срабатывал редко, бдительность зевак притуплялась, и все они становились незаметно для себя потенциальными жертвами грядущего выстрела.

Опасными были и изготавливаемые гранаты. Два коротких больших винта вкручивались навстречу друг другу в широкую гайку, плотно заполненную той же серой. Надо было набить гайку порохом так, чтобы винты чуть-чуть зацепились резьбой. Если бросать эту штуку торцом сильно об асфальт или о стенку, происходит взрыв, винты летят как осколки гранаты. За траекторию полёта отвечает Бог.

Это огнестрел. Но игры «в индейцев», «в мушкетёров», «в рыцарей» требовали холодного оружия. Для изготовления одного незаменимыми были ветки растущего за сараями американского клёна. Они прочные, гибкие, прямые, зелёную кору молодых можно счистить или оставить. Прекрасный материал для копий, дротиков, луков и стрел к ним. Если

надеть на рукоятку продырявленную металлическую крышку от консервной банки, получается отличная шпага. Щиты из фанеры фигурно выпиливались, раскрашивались и украшались фамильными гербами. Вырезались из дощечек мечи для гладиаторских или рыцарских поединков. Осваивалось фехтовальное искусство каждым видом оружия. Плодотворной оказалась Рафина идея приматывать на концы стрел и копий газетные тампоны: теперь их можно было бросать друг в друга с наименьшим риском остаться одноглазыми.

Покупные пластмассовые сабельки и мечи с ножами были, конечно, красивыми и желанными, но не выдерживали азарта наших схваток. К ним, сломленным, интерес тут же угасал, и незадачливый владелец шёл сообщать родителям о материальной потере. Но хороши оказались появившиеся комплекты из двух рапир. Они были прочными, хлёстко били по рукам, не ломаясь. Немного слишком гибкие, но из палок и веток шпаги получались, наоборот, слишком жёсткими. Нет в мире совершенства.

Один взрослый знакомый как-то научил меня изготавливать превосходные луки со стрелами. Надо взять довольно толстую прямую берёзовую палку по грудь высотой и высушить её прямо с корой. Потом вырезать на одном конце ножом бороздку, привязать там прочную и не тянущуюся бечеву, а на другом конце — подобие короткого крючка. На другом конце верёвки, которая должна быть сантиметров на десять короче палки, сделать широкую петлю. Натягивать петлю на крюк надо перед употреблением, сидя, перегибая палку через коленку. После стрельбы тетиву опять снимают, чтобы лук при хранении не терял упругости. Это оружие вполне себе боевое и грозное. Стрелы, довольно длинные, необходимо щепить из доски, скруглять, обтачивать, на конце наматывать для утяжеления несколько витков толстой проволоки. Примотанный на кончике гвоздь мог нести смерть живому. Стрельба из такого лука тоже требовала особого умения. Надо было туго натягивать тетиву, а при выстреле делать ещё сильный рывок назад. Ровные стрелы били в мишень довольно метко в зависимости от квалификации и тренированности стрелка. Чтобы представить себе возможности этого оружия, достаточно сказать, что выпущенные вверх стрелы могли улететь много выше деревьев во дворе и выше крыши нашего пятиэтажного дома.

Рафа жил в одной комнате со своим дедом, Сергеем Васильевичем. Тот был какой-то заслуженный работник, но всё же тыла (когда его потом хоронили, впереди процессии со двора шли несколько человек с подушечками, на которых покоились разнообразные ордена и медали). Высокая железная кровать его стояла тогда в углу комнаты за дверью, он обычно сидел на ней, свесив ноги, попивал свои «Ессентуки» и молча глядел на наши игры, не вмешиваясь.

У Рафы были вождеденные мной импортные конструкторы. Помимо разнообразных и разной формы металлических полос и пластинок были там всякие гнущиеся пластиковые цветные и прозрачные многоугольники, различного вида колёса, некоторые прямо с настоящими снимающимися шинами, а также блоки, крючки, оси, — масса всего! Винтики были с цилиндрическими головками, а не как советские полукруглые. Долгие часы мы собирали всякую всячину, особенно хорошо получались джипы типа «Виллиса».

Потом в ход пускался пластилин, также сильно многоцветный, из импортного набора. Комья ранее отработанного серо-буро-малинового шли на каркас, отделочные работы проводились свежими цветами. На джипы прилеплялись отличные оловянные солдатики. Машины можно было даже электрифицировать с помощью квадратной батареек и лампочки, для крепления опять же используя пластилин.

Настоящее счастье приходило, когда Сергей Васильевич разрешал пострелять нам из духового ружья. Дальнюю дверь в тамбуре перед

комнатой закрывали, перед ней ставили толстую широкую доску. Мишенями становились всё те же солдатки и произведённые машинки. Дед, ковывая зубочисткой в зубах, отсчитывал нам из коробки три-четыре десятка пулек, мы с Рафой их по-братски делили и стреляли по очереди. Оловянным солдатикам отстреливали иногда головы, на панелях машин оставались вмятины и облупленная краска, пластилин был весь напичкан свинцом...

Когда гулять выходили только девчонки, я с удовольствием играл в «девчоночьи» игры. Очень ловко, наравне с Голодяйкой, я прыгал в «классики». Если ни у кого не оказывалось мела, тогда куском щёбня расчерчивались классы с «раем» наверху. Меня как всегда одолевала гигантомания, прямоугольники были небольшие, куда еле помещалась нога с битой, цифра их нумерации доходила до двадцати. Требовалось много ловкости и умения, чтобы рассчитать удар ноги, — ведь потом надо было скакнуть в этот следующий маленький квадрат, не наступив где-нибудь на черту и не выбив биту за пределы поля (начинай сначала!). Особым шиком было запулить скакалку дальше «с налёта». Или прыгать одинаково хорошо как на правой, так и на левой ноге. Часто я тренировался в одиночестве. Скакали или с банкой из-под леденцов, ваксы, набитой песком, или просто с обточенным куском асфальта или кирпича.

Удачно проскакавшему круг победителю полагался «дом», выбранный прямоугольник закрашивался в твой цвет, там ты мог сам спокойно ходить и отдыхать, а также принимать или не принимать гостей, в зависимости от твоей дружбы-вражды и симпатий. Когда «домов» становилось слишком много (старались выбирать их подряд, чтобы тяжело было перепрыгнуть, если хозяин не давал «добро» на посадку), игра автоматически сходила на нет. Так пролетали часы. Асфальт перед домом был весь изрисован раскрашенными классиками разной сложности.

Одно время большую популярность имела игра «в резинку». Выпросив у мамы метра четыре белой резинки, которую вдевают в шаровары, и сшив её в кольцо, можно было идти искать двух девчонок. Двое вставали, расставив ноги на ширине плеч, натягивая ими резинку. Сначала почти на уровне щиколоток. Третий прыгал то одной, то другой, то обеими ногами сразу, разнообразно перехлёстывая и перекручивая резинку, создавая замысловатые и всё усложняющиеся рисунки. Когда вся группа упражнений бывала успешно выполнена, резинка передвигалась выше на коленки, потом на бедра, дальше подтягивалась чуть ли не к пояснице: тут уж требовалась твёрдая «пятерка» по физкультуре при прыжках в высоту. (Но вот я что-то не помню, чтобы кто-нибудь прыгал на уровне груди.) Если ты проваливал какой-нибудь норматив, то шёл держать резинку, уступая место следующему прыгальщику.

С девчонками можно было поиграть в «Штандер-стоп», в «Тише едешь — дальше будешь», в «Кис-кис-мяу» и другие игры на скамейке на разные там поцелуйчики. В «испорченный телефон», в «съедобное-несъедобное», в «города» на последнюю букву. «Я садовником родился, не на шутку рассердился... — Ой! — Что с тобой? — Влюблён! — В кого? — В человечка одного»...

В «куколки» мальчишки не играли. Девчонки в «ответку» не играли в «машинки».

«В машинки» можно играть в садике в песочнице с грибком о четырёхскатной жестяной шляпке-крыше, выкрашенной «под мухомор», и с ножкой из бревна. Сюда раз в N лет грузовик завозил кучу песка, здесь был туалет кошек и бродячих собачек. И место наших игр.

«Военная дорога» требовала длительной подготовки. Один игрок или команда должны были построить трассу для колонны игрушечной

военной техники, приготовив на ней множество смертельных ловушек. Это были всевозможные тоннели, мосты, перекинутые через овраги, гать с бревенчатым настилом, дороги над бездной по самому краю обрыва... Другой, который потом острожно вёл колонну по этой трассе, не знал, за каким поворотом его встретит смерть. А та не дремала. Тоннель мог осыпаться и завалить грузовик. Мост обязательно рушился или взрывался, когда из-под него вырывали опору, потянув замаскированную бечёвку (дёрни за верёвочку — мост и обвалится). Часть дороги взлетала на воздух от удара по заготовленному и присыпанному песком рычагу. Или, наоборот, проваливалась, техника тонула в закопанной под дорогой искусно замаскированной кастрюле с водой. Не многие добирались в пункт назначения, как и в том военном заграничном фильме, где суровые ребята ведут колонну бензовозов по горной дороге через засады фашистов.

Хорошие и разнообразные машинки были у Аркашки, я изредка приходил к нему в гости поиграть в них. Чаще мы ждали, чтобы он донёс свои богатства до песочницы. Тут уж они вынужденно теряли колёса, дверцы и прочую мелочь. Война, брат!

Однажды на помойке появился шикарный диван. Конечно, шикарным был не сам диван, а его пружины. Они были извлечены и приспособлены для игры в танкистов. Мы садились на лавку за столиком в садике, выставляли вперёд палку-дуло нашей пушки, под ногами был целый ряд прикреплённых к дощечке пружин-педалей, в другие были воткнуты рычаги. Танк дёргался с места, мы урчали и рычажи, поддавали газу, нажимая на все пружины сразу или попеременно, ворочали из стороны в сторону пушкой. Нам было непросто вдвоём изображать из себя четырёх танкистов, где-то сзади для комплектности бежала невидимая собака. Победа, что уж говорить, будет за нами!

В песочнице можно было играть и в другие игры. Что-то прятать, а потом искать в песке, строить замки или с девчонками какие-то куличи для кухни, или операционную в больнице, раскладывать ассортимент лекарств для аптеки. Песок использовался и по прямому назначению, когда какой-нибудь малыш бросал его в Димку, когда тот давил его постройки.

Строили из песка танчики, втыкали ветки пушек. Автомобили. Расставляли на них и по периметру песочницы солдатиков, потом расстреливали эти надвигающиеся войска из рогаток, самострелов или просто намоченными песчаными «снежками». За счастье было случайно раскопать потерянную Аркашкой накануне фигурку воина из его очень хорошего комплекта или такую же отличную маленькую машинку.

На песочном прямоугольном поле можно было играть в «Минёра». Не в компьютерного, а в натурального. Один игрок закапывал неглубоко 10 лежащих спичек, создавая узоры эшелонированного минного препятствия, выравнивал. Другой должен был пройти минное поле с одного конца в другой десятью вертикальными спичками, чертя ими загогулины по песку и стараясь не подорваться на mine. Первые проходчики обычно погибали, оставаясь на месте взрыва печальными маяками, но другие, следуя след в след, прорывались. Выигрывал тот, у кого больше спичек оказывалось за финишной чертой.

Снежная крепость. Обычно начинали строить её в садике вокруг песочницы. Я — за главного подрядчика, Рафа консультировал по проектной части. Росли стены, пандусы, делались бойницы и всякие полочки для хранения боеприпасов. По углам возвышались башни, возводился штабной блиндаж — настоящая снежная комната, вход которой закрывался снежным комом. Всё это с каждым строительным днём разрасталось вверх и вширь, и вот наступал момент сдачи объекта. Мы ведрами носили воду из Димкиной квартиры, заливали крепость и подступы к ней. Наутро после ночного морозца всё уже было готово к бою.

Строители составляли гарнизон крепости. Димка же с его энергией сам был штурмовым орудием. Его задача — по скользким скатам снаружи взять нас приступом. Димкино войско из дворовой мелюзги придавало мероприятию массовость.

Защитники крепости не сидели, сложа руки, словно запершиеся в церкви монахи, но вели активную оборону. Пустели полки с заранее заготовленными рядами снежков. Рафа служил бомбардиром на сколоченной деревянной катапульте своего изобретения и эффективно вёл огонь по врагу на дальних подступах. Это была рычажная система по типу тех, из которых со стен льют из перевёртывающихся ковшов раскалённую смолу. На конце был гвоздь, на который надевался увесистый снежок, Рафик ударял по рычагу, и снаряд по навесной траектории устремлялся на головы противников.

Те лезли и срывались по скользким склонам стены, делали в ней пробоины, цеплялись, пытались перекинуть ноги. Мы как могли спихивали всё это, бросали сверху комья снега. И вот враги уже внутри крепости, идёт рукопашная. Сломана катапульта, уже забили и затоптали Рафу, Димка подмял меня под себя... Штурм закончен, всё разрушено.

Пленного меня запирают в мною же построенный блиндаж, приваливают вход комом, поливают для надёжности водичкой. Я долго маюсь в темнице, не в силах выбраться (построено-то на совесть!), гляжу в маленькое оконце, — но там только кусок неба. Тянется время. Начинает темнеть. Неужели я так и умру в заточении? Мной овладевает паника, приходит отчаяние. Я зову на помощь... Наконец папа отворяет тюремные врата. Ура! Я нашёлся! Меня просто нечаянно потеряли и забыли, когда всех вдруг резко позвали домой.

Печален вид порушенной крепости на следующий день после сражения. Я в гордом одиночестве как Наполеон осматриваю руины. Со вздохом принимаюсь за восстановление. Впереди ещё целая зима. Впереди новые сражения, мы учтём недочёты, усилим и углубим...

Со временем крепости становились всё больше, их вырастало уже две напротив друг друга, строительство велось по передовым технологиям. Слёженный и стоптаный на асфальте снег, почти лёд, можно было вырубать лопатой брикетами, такими шлакоблоками. С использованием этих гигантских кирпичей строительство шло намного быстрее и эффективнее. Дворник и прохожие радовались чистому асфальту.

Итог же всегда был один. В день сражения появлялось много народа, кидались снежками, с разбегу бросались на крепости, устраивали свалки, борьбу, погром и разрушение. Весело, азартно и хорошо. Утро следующего дня — Наполеон вновь на руинах.

Прятки. Весна-лето-осень. «На золотом крыльце сидели / Царь, царевич, король, королевич, / сапожник, портной...» («Чишел — мышел — п...днул — вышел» слишком коротка, как детские штанишки, поэтому не годилась.) Выбранный роком водящий считал до ста, отвернувшись в обозначенном месте к стене дома; сюда и надо было застукиваться. Прятаться можно было в пределах двора, включая сараи, иногда разрешалось на улице перед домом, в подъездах. Места были большей частью все известные, и надо было их просто последовательно обойти. Искусство же состояло в том, чтобы одним глазом следить, как бы кто не выскочил застукиваться: надо было его опередить. Поэтому водящий был как коза на привязи и дальние места оставлял «на потом». Хитрые застучавшиеся, весело припрыгивая, ходили за незадачливым мающимся, давали разные провокационные советы: «Он, наверное, за кочегаркой... Или вон за углом сарая... Точно! В дальнем подъезде! Да вон он, под машину залез!» В это время другой наводчик, находящийся неподалёку от спрятавшегося, давал тому сигнал бежать застукиваться, когда расстояние становилось в его пользу.

Чтобы довести водящего до белого каления, надо было найти новое и неожиданное место. Это дело я любил. Мне удавалось, например, залезть в укромную развилку старого тополя так, что с земли не было видно, и ждать, пока у оппонента не кончится терпение. Тот произносил в конце концов заветное «Я больше не играю. Он, наверное, вообще домой ушёл!», — и я победителем спускался с облаков на землю. Или однажды осенью я сумел незаметно, так что и не подумаешь, закопаться в кучу опавшей листвы.

Казус вышел, когда я через почему-то не запертую дверцу залез в фанерную будку на повороте рядов сараев в дальнем углу двора, где хранил свои метёлки дворник дядя Боря. Сначала всё шло хорошо, я слышал, как нашлись все, кроме меня. Оставалось немного потерпеть. Но тут появился ничего не подозревающий дядя Боря и запер меня на замок. Я почему-то побоялся обозначить своё присутствие, как-то не подумав о последствиях. А они последовали: вскоре я почувствовал одиночество своего пленения. Народ разошёлся кто куда, кричать было бесполезно. На моё счастье, тщательно обследовав темницу, в конце концов я обнаружил место, где можно было отогнуть фанерку и с трудом выбраться наружу.

И что сегодня коллекционируют? Дензнаки? Недвижимость? Что реклама навяжет?

Нет, такого общесоюзного собирательства марок, значков, камней и минералов, монет и пр. и пр., как во времена моего детства, сегодня не встретишь! Мой папа по наследству через гены передал мне сию страсть. Или воспитал.

Вслед за ним я собирал всё. Да, марки и значки. Марки вставлялись в дефицитные тогда двухстраничные кляссеры (специальные альбомы для марок у меня появились позже), менее ценные и интересные навечно приклеивались конторским клеем в альбом. Коллекционеров вокруг было предостаточно, обмен шёл не хуже, чем сегодня через какой-нибудь раскрученный сайт. Собирал я широко, сериями. «Искусство», «животные и птицы», «знаменитости», «спорт», «космос», «техника» (подвиды — корабли, машины, паровозы, самолёты ну и всё такое), «памятные события». Была особая серия «Бурундия» (вообще-то африканская Бурунди, но у меня так!). Почему-то Советы массово завозили их марки в наш филателистический магазин «Глобус» на площади Горького. Может быть, в обмен на «Калашки» для нужд их «освободительных» революций.

Особо я ценил выменянную у одноклассника марку с царём Николаем и несколько марок давних ещё довоенных лет нашей советской власти — там были однотоновые шахтёры, рабочий с колхозницей, защитник родины в каске, лётчик, ets. Ценность представляли клейкие квадратики из настоящих стран враждебного капиталистического лагеря — Франции, ФРГ. Ведь в магазине такое не купишь, тут только с письма или открытки можно отпарить, когда они от врагов приходят к их недобитым советским родственникам или друзьям. Можно долго говорить об этом, но мы не на собрании филателистов.

Значки сперва тоже рядами крепились к бархатной малиновой тряпичке, на которой когда-то была вышита цветными нитками морда лошади, но мы с бабушкой эти нитки специально вытащили. Тряпичка висела напоказ на стене, пока не заполнилась полностью. Потом коллекцию перенесли в альбом с поролоновыми страницами. Особо любимые маленькие значки отец любил прицеплять к лацкану пиджака. Например, виды Ленинграда. Помню на нём изящного Петергофского Самсона, раздражающего пасть льву, какие-то маленькие блестящие гербы, значок, знаменующий весну... Я тоже с раннего возраста на шапке, пальто, свитере, рубашке часто носил разнообразные значки. Их можно разглядеть на ряде фотографий тех лет и даже, если постараться, идентифицировать.

Значки покупались большей частью в поездках в другие города (но не страны: у нас в семье за границу не ездили, видимо, не хотели. Один только раз мама побывала по путёвке в стране Болгарии на морском курорте, откуда привезла мне первые «настоящие» импортные тряпичные болгарские кроссовки и срамные импортные болгарские джинсы. Сегодня, после китайского промышленного бума, я могу себе представить, как социалистические болгары у себя в деревне в подпольном цеху тогда расстарались осчастливить еще нецивилизованного мальчика из закрытого советского города Горького).

У отца (геолог же!) в пакетиках, какие мама у себя в аптеке делает для порошков, была коллекция крошки различных минералов. Этот песок надо было разглядывать в микроскоп. Открывалось абсолютно сказочное царство, аналог хозяйству царицы Медной Горы. В окуляре вырисовывались не только золотые горы, хрустальные реки с бриллиантовыми берегами, но и изумрудный город, гранатовый браслет, алмаз раджи, антрацит печей магнитки, слюдяное окошко в жилище древнего человека, — мало ли что! Позднее появилась собранная с помощью ленинградского геологического знакомого отца коллекция уже крупных, но не более с кулак величиной, камней. Колотые алмазные щетки, горный хрусталь, опалы, аметисты, кварцы всех сортов оттенков и прозрачности, змеевики, мраморы и граниты, малахит и родонит, сердолик и нефрит... Идите в Геологический музей на Васильевский остров, там пополните свою коллекцию этих названий.

Отец собирал и монеты совершенно не на профессиональном уровне. Основой коллекции были попавшие ему в руки как семейные реликвии пара серебряных рублей времен Советской власти после Гражданской войны, а также несколько царских цветных бумажек, вытянутых прямоугольно вверх, а не поперёк, как нынешние. Гонялся отец за современными ему юбилейными монетами. Остальные представители коллекции появлялись чаще из обихода и случайно. Они приблизительно повторяли содержимое карманов любого из советских граждан. На толкучки нумизматов папаня будет ходить значительно позже.

Отец собирал замечательные коллекции бабочек и меня заразил. Мы были патриотами, признавали только своих, родных, отечественных. Я до сих пор гадаю: а прилетают ли бабочки к нам из других стран? Как перелётные птицы. Мигранты, так сказать.

Летом мы гонялись за экземплярами с сачками. Осторожно, чтобы не повредить, извлекали из марли, не позволяя им сильно трепыхаться, складывали в спичечные коробки. Потом они сушились в укромном месте, приколотые и расправленные булавками на какой-нибудь картонке. Затем уже крепились на клей в коробках из-под конфет по сортам, размерам или эстетической ценности. Мы старались заполучить два экземпляра каждой разновидности, чтобы показать кроме анфаса и оборотную сторону крыльев. Иногда «вид сзади» был не менее впечатляющим.

В самой ценной коробке помещались редкие и самые красивые бабочки — махаоны, отливающие то в яркую желтизну, то в белизну; траурницы с цветными крапинками по каёмке крыльев, редкий тогда почему-то «павлиний глаз», «аврора», громадные бражники, лучшим из которых был, конечно, «мёртвая голова». Это были, скажем, олигархи. В других коробках селились тоже довольно крупные представители «среднего класса». Крапивницы, репейницы, капустницы, лимонницы. Их было большое разнообразие по яркости, расцветкам, формам крыльев. Еще существовала коробка специально для маленьких бабочек. Голубянки, огнёвки, какие-то пеструшки, а далее уже вовсе мотыльки — с полупрозрачными крыльями, серые — смотреть не на что. Коробки затягивались плёнкой для сохранности, вешались на стенку. Выставочный экспонат мог прослужить не один год, но в любом случае крылышки постепенно выцветали, обламывались, опадали. Иногда коллекцию

обновляли. Снова мы с отцом крадёмся в лугах по траве за вёртками и капризными проказницами.

Что мы ещё собирали? Спичечные коробки и этикетки от них. Обёртки от жвачек бубл-гум, пачки из-под сигарет, фантики, открытки, коробки из-под конфет, банки из-под монпасье, кофе, позднее — из-под пива. Можно было коллекционировать бутылки, разнообразные пробки. Даже речные камушки или ракушки, какие-нибудь цветные стекляшки.

Если любого моего сверстника из детства переместить на машине времени, например, на сегодняшнюю свалку или помойку, он бы с недоумением и восторгом обнаружил бы там драгоценнейшие вещи, которые могли бы послужить основой для любой классной коллекции. И речь здесь идёт не о деревянных игрушках, прибитых к потолку. Некоторые футурологические прогнозы сегодня предсказывают для человечества в ближайшие десятилетия отказ от собственности, от владения чем-либо, от понятия «моё». Не надо ничего хранить и собирать у себя на винчестере, на съёмных носителях. Типа, информацию, даже личную, храните в «облаке», зачем патенты, интеллектуальная собственность — каждый берёт из этого бесплатного супермаркета, когда что-то понадобится. И я должен в это поверить? Пусть владельцы нефтяных вышек и хозяева интернет-корпораций первыми вынесут в «облако» для общего пользования свои офшорные счета. Тогда я, может быть, подумаю, стоит ли мне отнести в подъезд и положить там на подоконник мою любимую коллекцию спичечных коробков.

У меня дома был картонный театр с несколькими репертуарными спектаклями-сказками. Ставилась сцена, соответствующий занавес, за ним как на бельевых верёвках вешались стационарные декорации в несколько рядов. Движущиеся бумажные персонажи марионеточно передвигались на проволочных держалках и разговаривали модулированным голосом кукловода. Чтобы разнообразить репертуар, приходилось на личном худсовете принимать к постановке что-то новое. Ты и сценарист, и режиссер, и художник-декоратор, и костюмер, и артист в одном лице. Главное потом — усадить хотя бы одного зрителя в зрительный зал. Декорации и герои часто падали, цеплялись друг за друга, с неба появлялась рука бога и восстанавливала миропорядок. На праздниках было легче — гостям из вежливости приходилось смотреть весь этот провинциальный театр, хотя я, конечно, воображал себя столичной звездой. Коронкой у меня был спектакль в темноте, когда сцена подсвечивалась специально установленной лампочкой, подсоединённой к батарее.

Зима. На крышах пакгаузов пожарки выросли сосульки больше человеческого роста. Немало времени надо потратить, чтобы сбить их. Самые крупные вообще не сшибаются. Отбитыми можно эффектно пофехтовать в кирпичную стенку — они разлетаются при ударе во все стороны. Затем иду прыгать с низкого сарая в сугроб. Затем строить крепость или горку перед гаражами. Горку потом нужно залить водой, чтобы замёрзла. Кататься на фанерке. Но горка маленькая, не то что на Откосе или на Фрунзе, и быстро надоедает. Просто лежу в снегу. Из носа текут жидкие сопля, варежки и шаровары все в снежных катышках. Пора сушиться. В подъезде на первом этаже развешиваю на батарее пальто, шапку, шарф, варежки запикиваю в радиатор, сам прижимаюсь мокрой попой к горячему чугуну. Через некоторое время начинает дымиться водяной пар, сушка пошла... Тёплое надеваю на себя, но оно всё волглое. Выйдя на улицу, начинаю быстро замерзать. Да и темнеет уже. Пора домой.

Опять лето. Опять никого во дворе. Опять долгий день. Жарко. Солнечно. Густая листва на старых деревьях, клейкие листочки.

Попрыгал сам с собой в «классики». Проверил клады. Залез на крышу сарая, полежал на раскалённом железе. Потренировался в прыжках через забор. Сбегал наверх за ключом от нашего сарая, достал велосипед. Папа недавно переделал мой «Ветерок» из трёхколёсного в двухколёсный, я уже неплохо держу равновесие. Выписываю круги по асфальту, их количество большое. Велосипед брошен, жарко. Бегу на колонку на угол квартала попить холодной воды. Там стоят большие деревья моего детства, там домишки в один-два-три этажа по улице Минина, каменные, деревянные. У ближайшего к нашим воротам особнячка балкон украшен парой скульптурных голов грифонов. Хищно загнуты клювы, злые глаза. Я их боюсь; проходя мимо, отворачиваюсь якобы ненароком в сторону и делаю вид, что не замечаю. Хотя голова сама как-то втягивается в плечи.

Ну, в общем, надо чем-то заняться. Иду опять домой, беру тонкую тетрадку в клеточку, вынимаю скрепки. Делаю хлопושки — одно- или двухствольные. Они гулко стреляют в подъезде. Затем начинаю работать фабрика по производству самолётиков, ракет, галок, птичек. Взобравшись с ногами на подоконник на лестничной клетке и открыв окно, пускаю всё это с пятого этажа. Благо, на окне по грудь стоит хорошо укрепленная решётка, и вывалиться невозможно. Скоро двор и кроны деревьев уже засеяны летательными аппаратами, надо идти собирать, иначе дворник или Маригригоревна будут ругаться: снова намусорил.

Еще из окна можно пускать мыльные пузыри, наведя в жестянке мутный мыльный раствор и выдувая шары с помощью свёрнутой из бумаги длинной трубочки. Конец трубочки размокает, и его время от времени надо отрывать. Шары, плавно покачиваясь, летят кто вниз, натываясь и лопаясь о ветки деревьев, а кто и вверх к небу, где тоже лопаются, но уже от собственной немощи. Если ветер, то пузыри летят вправо, в сторону пожарки, свободные от вахты пожарные поднимают головы: откуда это принесло?

Можно пускать самодельных парашютистов. Парашют из квадрата бумаги, загнутого по диагоналям, в углах нитки, к ним цепляется солдатик, лучше потяжелее. Но в любом случае вес его надо регулировать, чтобы он камнем не падал вниз или, наоборот, безвольно не кувыркался в полёте, но плавно спускался на своём парашюте.

Был бы Димка, он непременно налил бы воды в целлофановые пакеты и ждал, пока кто-нибудь не появится внизу, чтобы сбросить бомбу рядом. Если персона уровня Маригригоревны, — эх и крику будет! Поймает, за ухо к родителям приведёт.

Бежать вниз и вверх по лестнице — нужно большое умение. Вверх через две ступеньки, вниз — через весь лестничный пролёт, скользя правой подмышкой по гладким крашенным деревянным перилам. Тут надо быть осторожным на поворотах и не отбить ноги при приземлении. Опасно не допрыгнуть до площадки, тогда есть шанс подвернуть ногу на ступеньке. От умения бегать по лестнице часто зависит жизнь. Например, за тобой гонятся, и надо успеть вбежать в свою квартиру и запереть дверь. К чести нашей дворовой детворы, редко кого из них мог догнать в таких случаях даже взрослый.

Во времена моего детства была мода валяться пьяным на улице. Самое подходящее место для этого было на улице Лядова у «Десятого» магазина. Идёшь утром мимо в школу — там уже один-два лежат, лужи из-под них. Иногда что-то бормочут, угрожающе дёргаются. Надо обходить стороной, делая дугу с запасом. Еще хорошее место (особенно зимой) — в подъезде, на лестнице, на площадках, лучше поперёк, загородив дверь. Чтобы через тебя перешагивали. У нас обычно практически беспамятно лежал Руслан, в луже чего-то, иногда крови. Форсировать его мне пришлось чуть-ли не по перилам.

Окончание следует